

Вскрытие покажет

Татьяна Кручинина

Татьяна Кручинина

Вскрытие покажет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73023247

SelfPub; 2025

Аннотация

Мёртвые молчат. Но их тела кричат о правде.

Для патологоанатома Зои Вержбицкой запах формалина – её рабочий аромат, а тела – последние свидетели. Когда на её столе оказываются двое высокопоставленных чиновников с одинаковыми, нетипичными для сердца повреждениями лёгких, она понимает: это не случайность, а убийство. Её расследование приводит в элитную клинику «Асклепий» и к экспериментальному препарату «Нейроген-7», который обещает исцеление от Альцгеймера, но скрывает смертельную цену.

Теперь Зоя, её бывший возлюбленный-следователь Макар и журналистка Искра, ищущая пропавшую подругу, объединяются против могущественной системы. За ними охотится личная служба безопасности клиники, их отстраняют от работы, а каждый неверный шаг может стать последним. Они должны раскрыть заговор, в котором замешаны большие деньги, политические связи и научная одержимость, где человеческие жизни – всего лишь расходный материал в гонке за великим открытием.

Правда дорого стоит. Но молчание – ещё дороже.

Татьяна Кручинина

Вскрытие покажет

"Тело человека – книга, в которой записана вся история его жизни. Умеющий читать эту книгу найдет в ней больше правды, чем в любых словах."

– Парацельс

Пролог: Тело не лжет

Запах формалина давно стал для Зои Вержбицкой чем-то вроде духов. Иногда ей казалось, что она различает его оттенки, как парфюмер – ноты аромата. Сегодняшний имел привкус тревоги.

Тело на столе принадлежало человеку, чье лицо еще вчера мелькало в новостях. Василий Петрович Громов, заместитель министра, скоропостижно скончался во время утренней пробежки. Официальная версия – сердечный приступ. Стандартная процедура.

Но тело не умело лгать. По крайней мере, не Зое.

– Странно, – пробормотала она, отмечая необычный цвет печени. – Это не похоже на обычную ишемию.

Её ассистент, молодой интерн Костя, нервно переминался с ноги на ногу.

– Доктор Вержбицкая, может, не стоит углубляться? Начальство просило провести стандартную процедуру.

Зоя подняла взгляд. В её серых глазах отразился холодный свет ламп.

– Костя, запомни одну вещь: мертвые заслуживают правды больше, чем живые – комфорта.

Она вернулась к вскрытию, методично исследуя каждый орган. Когда дошла до легких, её брови сошлись на переносице.

– Микроскоп, – коротко бросила она.

Под увеличением ткань выглядела неправильно. Зоя видела подобное лишь однажды, в архивных материалах по редким токсическим поражениям.

Пятнадцать лет назад

– Зоя, ты уверена? Патологоанатомия? – мать смотрела с недоумением. – С твоими-то баллами можно в кардиохирургию.

Зоя покачала головой, перебирая документы для поступления.

– Живые лгут, мама. Мертвые – никогда. Я хочу работать там, где правда имеет значение.

Телефон зазвонил, когда Зоя закрывала дверь своего кабинета. Было почти десять вечера. В официальном заключении значилось: "Острая сердечная недостаточность на фоне ишемической болезни сердца". Но в её личном блокноте, запертом в ящике стола, появилась другая запись.

– Доктор Вержбицкая? – голос в трубке был искажен, словно через фильтр.

– Да, кто это?

– Не называйте имен. Я знаю, что вы нашли в теле Громова. Вы не первая, кто это заметил.

Зоя замерла посреди пустого коридора. Свет мигнул, словно подчеркивая значимость момента.

– Что вам нужно?

– Не "мне". Нам всем. Правду. Завтра в шесть, кафе "Старые книги" на Гороховой. Столик в углу. Приходите одна.

Связь оборвалась. Зоя медленно опустила телефон. За окном моросил дождь, размывая огни ночного города. Она знала, что должна просто забыть этот звонок, вернуться домой к недочитанной книге и бокалу вина.

Но тело не лгало. А значит, лгал кто-то другой.

Глава 1: Закрытые двери

Зоя не пошла на встречу в кафе "Старые книги". Вместо этого она провела вечер, просматривая свои записи и пытаясь найти в них смысл. Утром, с кругами под глазами и термосом крепкого кофе, она вернулась в морг.

– Доктор Вержбицкая, у нас поступление, – сообщила Нина Павловна, администратор с тридцатилетним стажем. – Срочное. С сопровождением.

Зоя подняла бровь.

– Сопровождением?

– Полиция. И еще какие-то люди в костюмах, – Нина понизила голос. – Говорят, Соколов, председатель комитета по строительству.

Сердце Зои пропустило удар. Два высокопоставленных чиновника за неделю – это уже не совпадение.

В прозекторской её ждал не только труп Соколова, но и двое мужчин. Один – в форме капитана полиции, второй – в безупречном сером костюме, с идеально уложенными темными волосами. Он стоял спиной, но Зое не нужно было видеть его лицо.

– Макар, – произнесла она ровным голосом. – Какая неожиданность.

Макар Штольц обернулся. В его карих глазах промелькнуло что-то, похожее на удивление, но тут же исчезло за профессиональной маской.

– Доктор Вержбицкая, – кивнул он. – Не знал, что вы работаете в этом отделении.

– Уже три года, – Зоя натянула перчатки. – Что привело следователя по особо важным делам в наш скромный морг?

– Стандартная процедура при смерти государственного служащего такого ранга, – ответил Макар. – Нужно исключить криминальный характер.

Зоя приступила к вскрытию, стараясь не замечать пристального взгляда Макара. Пять лет назад они были больше, чем коллегами. Гораздо больше. Пока работа не встала между ними.

Когда она добралась до легких Соколова, то почувствовала, как напряглись мышцы спины. Те же изменения. Почти идентичные тем, что она видела у Громова.

– Что-то не так? – спросил Макар, заметив её замешательство.

– Нет, – солгала Зоя. – Обычная картина для сердечной недостаточности.

После вскрытия, когда полицейский вышел, Макар задержался.

– Зоя, – он впервые назвал её по имени, – ты что-то скрываешь.

Она сняла перчатки и защитный экран.

– Это профессиональное наблюдение или личное?

– И то, и другое, – он подошел ближе. – Я помню, как ты выглядишь, когда находишь что-то необычное. Ты прикусываешь нижнюю губу и чуть наклоняешь голову. Как сейчас.

Зоя выпрямилась.

– Ты ошибаешься. Классическая картина сердечного приступа.

– Тогда почему ты запросила историю болезни Громова? – спросил Макар. – Да, я знаю об этом. Наши дела иногда пересекаются.

– Стандартная процедура, – парировала она его же словами.

Макар помолчал, затем достал визитку.

– Если вспомнишь что-то важное – звони. В любое время. В архиве медицинской документации Зою ждал отказ.

– Извините, доктор Вержбицкая, но истории болезни Громова и Соколова изъяты, – сообщила архивариус, пожилая

женщина с усталыми глазами.

– Кем изъяты?

– Не могу сказать. Есть распоряжение.

Зоя попыталась еще в двух больницах, где наблюдались чиновники. Везде – закрытые двери и уклончивые ответы.

Вечером, вернувшись домой, она сразу почувствовала: что-то не так. Ничего конкретного – просто ощущение. Книга на полке стояла под другим углом. Ноутбук был закрыт, хотя утром она оставляла его открытым. Зоя медленно прошла по квартире. Ничего не пропало, но кто-то определенно здесь был.

Она достала телефон и долго смотрела на визитку Макара. Потом отложила её и набрала другой номер.

– Кафе "Старые книги"? – спросила она. – Я хотела бы забронировать столик. На завтра, шесть вечера. Столик в углу.

Повесив трубку, Зоя подошла к окну. В доме напротив горели окна – десятки жизней, каждая со своими тайнами. Но ни одна из них не была связана с двумя мертвыми чиновниками и странными изменениями в их легких.

Она задернула шторы и достала из сумки блокнот. Пора было соединить точки.

Зоя раскрыла блокнот на чистой странице и начала методично записывать факты. Громов, 58 лет. Соколов, 62 года. Оба – высокопоставленные чиновники. Оба – с необычными изменениями в легочной ткани. Оба – официально умерли от сердечной недостаточности.

Она нарисовала схему, соединяя имена, даты, симптомы. Затем открыла ноутбук и начала поиск научных статей о подобных патологиях. Три часа спустя глаза болели от напряжения, а список возможных причин сузился до нескольких вариантов, ни один из которых не выглядел убедительным.

Телефон зазвонил, когда часы показывали почти полночь.

– Доктор Вержбицкая? – голос Макара звучал устало.

– Откуда у тебя этот номер? – спросила Зоя, хотя и так знала ответ.

– Служебное положение, – в его голосе мелькнула улыбка. – Не спишь?

– Работаю.

– Над чем?

Зоя помедлила.

– Над статьей для медицинского журнала. Что тебе нужно, Макар?

– Хотел убедиться, что с тобой все в порядке, – он сделал паузу. – И спросить, не заметила ли ты чего-нибудь необычного в последнее время.

Сердце Зои забилось чаще. Знает ли он о том, что кто-то был в её квартире?

– Например?

– Например, слежки. Станных звонков. Незнакомцев рядом с домом.

Зоя подошла к окну и осторожно отодвинула штору. Улица была пуста, если не считать одинокой машины у подъезда.

– Нет, ничего такого, – солгала она. – А должна была?

– Просто будь осторожна, – сказал Макар. – Дело Соколова... в нем что-то не так. Я чувствую.

– Ты всегда был параноиком, – попыталась пошутить Зоя.

– А ты всегда была слишком упрямой, чтобы просить о помощи, – парировал он. – Спокойной ночи, Зоя.

После разговора она долго не могла уснуть. Мысли возвращались к Макару, к их истории, оборвавшейся пять лет назад. Тогда он расследовал дело о коррупции в медицинских кругах, а она оказалась между двух огней – профессиональной этикой и чувствами к нему. В итоге они оба выбрали работу.

Утро началось с неожиданного вызова к главврачу.

– Зоя Андреевна, – Михаил Степанович, обычно приветливый, сегодня выглядел напряженным. – Ко мне поступил запрос из министерства. Они хотят ознакомиться с результатами вскрытия Громова и Соколова.

– Это стандартная процедура, – ответила Зоя. – Копии отчетов уже направлены по официальным каналам.

– Речь не об официальных отчетах, – главврач понизил голос. – Они знают о ваших... личных записях.

Зоя почувствовала, как холодеет спина.

– Моих личных записях?

– Зоя Андреевна, – Михаил Степанович снял очки и устало потер переносицу, – я знаю вас как принципиального специалиста. Но сейчас речь идет о государственной безопас-

ности. Если вы что-то обнаружили – что-то, что не вошло в официальные отчеты – вам лучше сообщить об этом.

– Кому сообщить? – спросила Зоя, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Представители будут здесь завтра, – он вернул очки на место. – И, Зоя... будьте благоразумны.

Выйдя из кабинета главврача, она сразу направилась к своему шкафчику. Блокнот с записями был при ней, но на рабочем компьютере остались файлы с предварительными заметками. Зоя быстро скопировала их на флешку и стерла оригиналы.

Весь день она работала как обычно, проводя вскрытия, заполняя документы, консультируя коллег. Но внутри нарастала тревога. Кто-то знал о её подозрениях. Кто-то был в её квартире. И теперь этот кто-то шел по следу.

Вечером, возвращаясь домой, Зоя дважды меняла маршрут и несколько раз проверяла, нет ли за ней слежки. Поднявшись в квартиру, она первым делом проверила тайник за книжной полкой, где хранила блокнот. Он был на месте.

Приняв душ и переодевшись, Зоя начала готовиться к завтрашней встрече в кафе. Она не знала, кто её ждет, но была уверена: это связано с Грозовым и Соколовым.

Звонок в дверь раздался, когда она заваривала чай. Зоя замерла. Она никого не ждала.

Осторожно подойдя к двери, она посмотрела в глазок. В коридоре стоял Макар.

– Зоя, открой, – его голос звучал напряженно. – Это срочно.

Она открыла дверь, но цепочку не сняла.

– Что случилось?

– Впусти меня, – Макар оглянулся через плечо. – Нам нужно поговорить.

Зоя помедлила, затем сняла цепочку. Макар быстро вошел и закрыл за собой дверь.

– Ты в опасности, – сказал он без предисловий. – Сегодня утром нашли тело Костина, эксперта из лаборатории. Того, кто делал токсикологию для Громова и Соколова.

Зоя почувствовала, как земля уходит из-под ног.

– Как... как он умер?

– Официально – самоубийство, – Макар смотрел ей прямо в глаза. – Но я в это не верю. И думаю, ты тоже.

Он достал из кармана конверт и протянул ей.

– Это копия токсикологического анализа Соколова. Настоящая копия, не та, что в официальном отчете. Костин передал мне её за день до смерти.

Зоя открыла конверт. Просмотрев результаты, она подняла взгляд на Макара.

– Это невозможно. Такой комбинации веществ не существует.

– Именно, – кивнул Макар. – Если только это не что-то новое. Что-то, чего мы раньше не видели.

Зоя опустилась на стул, пытаясь осмыслить информацию.

– Зоя, – Макар присел рядом, взяв её за руку, – я знаю, что ты что-то скрываешь. И понимаю, почему не доверяешь мне после... всего. Но сейчас речь идет о твоей безопасности. Расскажи мне, что ты нашла.

Она посмотрела на их соединенные руки, затем подняла глаза на Макара. В его взгляде читалось искреннее беспокойство.

– Завтра, – сказала она наконец. – Завтра в шесть вечера, кафе "Старые книги" на Гороховой. Я встречаюсь там с человеком, который может знать больше.

– Я пойду с тобой, – это был не вопрос.

– Нет, – Зоя покачала головой. – Я должна пойти одна. Но... – она сжала его руку, – ты можешь быть неподалеку.

Макар кивнул.

– Только обещай мне одну вещь, – сказал он. – Если почувствуешь опасность – немедленно уходи. Я буду рядом.

Когда за Макаром закрылась дверь, Зоя вернулась к результатам анализа. Что-то в комбинации веществ казалось ей знакомым. Она открыла ноутбук и начала новый поиск.

За окном сгущалась ночь, а в голове Зои постепенно складывалась картина – страшная в своей логичности. Если она права, то завтрашняя встреча может стать поворотным пунктом не только в её жизни, но и в чем-то гораздо более масштабном.

Она не знала, что ждет её за дверью кафе "Старые книги". Но была уверена: пути назад уже нет.

Глава 2: Клиника «Асклепий»

Клиника "Асклепий" возвышалась над городом, словно храм современной медицины – стекло и бетон, изогнутые в элегантные линии, отражающие утреннее солнце. Для пациентов, которые могли позволить себе лечение здесь, это был символ надежды. Для медицинского сообщества – образец инноваций. Для Платона Бергера – воплощение его видения.

– Пульс стабильный, давление в норме, – доложила анестезиолог.

Платон Бергер, стоя у операционного стола, не ответил. Его внимание было полностью сосредоточено на открытой грудной клетке пациента. Сердце, освобожденное от перикарда, билось под его руками – живое, уязвимое.

– Зажим, – коротко скомандовал он.

Операционная сестра вложила инструмент в его протянутую руку с точностью часового механизма. Бергер работал методично, каждое движение было выверено годами практики. В свои пятьдесят два он считался одним из лучших кардиохирургов страны, а возможно, и Европы.

– Аорта пережата, начинаем обход, – его голос был спокоен, как у пилота, сообщающего о штатном полете.

Через стеклянную стену операционной за процедурой наблюдали студенты-медики и приглашенные специалисты. Для них это был мастер-класс, возможность увидеть легендарного Бергера в действии.

Два часа спустя Платон снимал хирургические перчатки,

пока ассистенты заканчивали ушивать пациента.

– Блестяще, доктор Бергер, – сказал молодой кардиолог, наблюдавший за операцией. – Я не думал, что при таком поражении клапана возможно восстановление.

– Все возможно, если знать, куда смотреть, – ответил Бергер, слегка улыбнувшись. – Медицина – это не только наука, но и искусство видеть невидимое.

В своем кабинете Платон переоделся в безупречный костюм. Стены были увешаны дипломами, наградами и фотографиями с политиками и знаменитостями – пациентами клиники. Огромное окно выходило на город, раскинувшийся внизу как на ладони.

Секретарь постучала в дверь.

– Доктор Бергер, представители "ФеноГен" ждут в конференц-зале.

Платон кивнул, бросив взгляд на часы. Ровно 11:00. Он ценил пунктуальность.

В конференц-зале его ждали трое: двое мужчин в строгих костюмах и женщина с холодными голубыми глазами и безупречной осанкой.

– Доктор Бергер, – она протянула руку. – Ирина Ковальская, научный директор "ФеноГен". Мои коллеги – Андрей Витальевич и Сергей Павлович.

– Рад встрече, – Платон пожал руку каждому. – Надеюсь, вы не зря проделали такой путь.

– Это зависит от вас, – улыбнулась Ирина, но её глаза оста-

лись серьезными. – Мы готовы предложить клинике "Асклепий" эксклюзивное право на тестирование нашего нового препарата.

Один из мужчин открыл кейс и достал папку с документами.

– "Ренессанс-Х", – начал он. – Первый в мире препарат, способный не только замедлить, но и обратить вспять нейродегенеративные процессы при болезни Альцгеймера.

Платон почувствовал, как учащается пульс, но внешне остался невозмутим.

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, – заметил он. – Какие доказательства у вас есть?

Ирина кивнула коллеге, и тот включил проектор. На экране появились графики, диаграммы, микрофотографии нейронов.

– Доклинические испытания показали восстановление синоптических связей у 87% подопытных, – сказала она. – Мы готовы к следующему этапу – ограниченным клиническим испытаниям. И хотим, чтобы "Асклепий" стал нашим партнером.

Платон внимательно изучал данные, отмечая детали, которые большинство врачей могли бы пропустить. Что-то в молекулярной структуре препарата казалось ему знакомым.

– А побочные эффекты? – спросил он.

– Минимальные, – ответил второй мужчина. – В основном легкие респираторные симптомы, быстро проходящие.

– И что вы хотите от меня?

– Вашего согласия на проведение испытаний в "Асклепии", – Ирина подалась вперед. – С вашей репутацией и нашим препаратом мы можем совершить революцию в лечении Альцгеймера.

Платон помолчал, глядя на данные на экране. Потом перевел взгляд на посетителей.

– Мне нужно время, чтобы изучить документацию. И полный доступ к результатам доклинических испытаний.

– Конечно, – Ирина улыбнулась. – Но не затягивайте с решением. У нас есть и другие потенциальные партнеры.

После их ухода Платон долго стоял у окна, глядя на город. Если "Ренессанс-Х" действительно работал так, как они утверждали, это могло изменить мир. И принести "Асклепию" – и лично ему – мировую славу.

Телефонный звонок прервал его размышления.

– Доктор Бергер, – голос его начальника службы безопасности звучал напряженно. – У нас проблема.

– Говори, Змиевский.

– Патологоанатом из городского морга, Вержбицкая. Она копает под Громова и Соколова. И, похоже, что-то нашла.

Платон нахмурился.

– Насколько серьезно?

– Достаточно, чтобы запросить их медицинские карты. И она встречается сегодня с человеком, который может быть связан с утечкой информации о "Ренессансе".

– Держи ситуацию под контролем, – Платон говорил тихо, но твердо. – Никаких... необратимых действий без моего прямого указания. Просто наблюдай и докладывай.

– Понял, – ответил Змиевский и отключился.

Платон подошел к небольшому сейфу, спрятанному за картиной. Открыв его, он достал старую фотографию: мужчина средних лет с ясными глазами и доброй улыбкой держит на руках маленького мальчика.

– Я близок, отец, – прошептал Платон, глядя на фотографию. – Так близок.

Он помнил, как постепенно угасал его отец – блестящий физик, чей разум был разрушен Альцгеймером. Как ясные глаза становились пустыми, как собственный сын превращался для него в незнакомца. Платон поклялся тогда, что найдет лекарство. Любой ценой.

Вернув фотографию в сейф, он сел за компьютер и открыл файл с пометкой "Ренессанс-Х: Фаза 1". На экране появился список имен. Среди них – Громов и Соколов.

Платон откинулся в кресле, барабанил пальцами по столу. Он всегда знал, что путь к великим открытиям не бывает гладким. Иногда приходится идти по грани между этикой и прогрессом. Между клятвой Гиппократа и амбициями.

Но разве не стоит риск тех жизней, которые можно будет спасти?

Он снова взглянул на город за окном. Где-то там патологоанатом Вержбицкая готовилась к встрече, которая могла

разрушить все, над чем он работал годами.

Платон набрал номер.

– Змиевский, – сказал он, когда тот ответил. – Измени планы. Я хочу знать все, что будет сказано на этой встрече. Все.

Глава 3: Журналистское расследование

Дождь барабанил по крыше старенького "Фольксвагена", превращая мир за стеклом в размытую акварель. Искра Лавриненко сидела, вжавшись в водительское сиденье, и не сводила глаз с главного входа клиники "Асклепий". Третий час наблюдения не принес ничего нового – те же холеные пациенты, те же безликие сотрудники в безупречной форме.

Она сделала глоток остывшего кофе из термоса и поморщилась. Горький, как и мысли, преследовавшие её последние две недели.

– Где же ты, Лена? – прошептала Искра, глядя на фотографию, прикрепленную к приборной панели.

С глянцевого снимка улыбалась рыжеволосая женщина с россыпью веснушек на носу – Елена Сомова, её лучшая подруга со студенческих лет и крестная её сына. Две недели назад Лена, страдавшая от ранних стадий рассеянного склероза, поступила в клинику "Асклепий" на экспериментальное лечение. И бесследно исчезла.

Официальная версия: пациентка Сомова выписалась по собственному желанию и уехала отдыхать за границу. Но телефон Лены молчал, в социальных сетях – ни одного нового

поста, а её квартира выглядела так, будто хозяйка вышла на минуту за хлебом.

Искра знала Лену слишком хорошо, чтобы поверить в спонтанный отъезд. Особенно после странного голосового сообщения, полученного за день до "выписки": "Искра, здесь что-то не так. Они делают какие-то уколы, не записанные в моей карте. Я видела пациентов из "особого" отделения – они выглядят... странно. Перезвони мне, пожалуйста".

Но перезвонить Искра не успела. А теперь было поздно.

Дождь усилился, превращаясь в настоящий ливень. Искра вздохнула и завела машину. Наблюдение не дало результатов, значит, пора переходить к плану Б.

– Мисс Светлова? – улыбочивая администратор клиники "Асклепий" просматривала документы. – Все в порядке. Доктор Нестеров примет вас через пятнадцать минут. Пока можете подождать в холле.

Искра – теперь уже Алиса Светлова, согласно поддельным документам – кивнула и прошла в просторный холл клиники. Внутри "Асклепий" напоминал пятизвездочный отель: мягкие кресла, приглушенный свет, успокаивающая музыка, журчание декоративного фонтана. Ничто не напоминало о боли и страданиях, обычно ассоциирующихся с больницами.

Искра выбрала кресло, откуда хорошо просматривался весь холл, и достала планшет, делая вид, что читает. На самом деле она внимательно изучала каждую деталь, каждого сотрудника. Её взгляд зацепился за табличку "Только для

персонала" на дверях лифта в дальнем углу холла. Охранник рядом с лифтом выглядел скорее как спецназовец, чем как обычный медицинский секьюрити.

– Мисс Светлова? – перед ней возникла медсестра с идеальной осанкой. – Доктор Нестеров готов вас принять. Пройдемте, пожалуйста.

Кабинет невролога был выдержан в тех же спокойных тонах, что и весь "Асклепий". Доктор Нестеров, мужчина лет сорока с внимательными глазами за стильными очками, встретил её дружелюбной улыбкой.

– Итак, мисс Светлова, – он просматривал её "историю болезни", – вас беспокоят головные боли, нарушения координации, периодическое онемение конечностей... Давно эти симптомы?

– Около года, – Искра изобразила нервный жест, заправляя прядь волос за ухо. – Последний месяц стало хуже. Обычные клиники ничем не помогли.

Нестеров кивнул и начал стандартный неврологический осмотр. Искра послушно выполняла все тесты, продолжая наблюдать. На столе доктора стояла фотография – он сам рядом с Платоном Бергером на какой-то конференции.

– Вы работаете с доктором Бергером? – как бы между прочим спросила она.

– Иногда консультирую его пациентов, – Нестеров слегка напрягся. – Вы знакомы с работой доктора Бергера?

– Только по статьям, – Искра изобразила восхищение. –

Моя подруга лечилась здесь недавно. Елена Сомова. Может, вы её помните?

Рука Нестерова, проверявшая её рефлексy, на мгновение замерла.

– Не припоминаю, – сказал он после паузы. – У нас много пациентов.

Остаток осмотра прошел в напряженном молчании. Закончив, Нестеров выписал направления на анализы и МРТ.

– Результаты будут готовы через три дня, – сказал он. – Тогда и обсудим дальнейшее лечение.

Выйдя из кабинета, Искра не направилась к выходу. Вместо этого она свернула в коридор, ведущий к лабораториям. Ей нужно было найти хоть какую-то зацепку, хоть какое-то упоминание о Лене.

В пустой процедурной она столкнулась с молодой медсестрой, раскладывавшей инструменты.

– Ой, извините, – Искра изобразила растерянность. – Я, кажется, заблудилась. Искала туалет...

– Вам туда, – медсестра указала направление, но вдруг присмотрелась внимательнее. – Пойдите, вы же не из "особого" отделения?

– Нет, я на консультации у доктора Нестерова, – Искра заметила бейдж медсестры: "Марина Ковалева". – А что такое "особое" отделение?

Марина оглянулась, словно проверяя, не слышит ли их кто-нибудь.

– Ничего, – быстро сказала она. – Просто... неважно. Вам лучше вернуться в холл.

– Подождите, – Искра понизила голос. – Я ищу информацию о своей подруге, Елене Сомовой. Она лечилась здесь, а потом пропала.

Глаза Марины расширились от испуга.

– Я не могу говорить об этом, – прошептала она. – Здесь везде камеры.

– Пожалуйста, – Искра достала визитку и протянула медсестре. – Если вы что-то знаете... Это может быть вопрос жизни и смерти.

Марина секунду колебалась, затем быстро взяла визитку и спрятала в карман.

– Уходите, – сказала она. – Сейчас же.

Медицинская библиотека имени Пирогова располагалась в старинном здании с высокими потолками и скрипучим паркетом. Искра любила это место за особую атмосферу и за то, что здесь можно было найти архивные материалы, отсутствующие в электронных базах.

Сегодня она искала информацию о клинических испытаниях, проводившихся в "Асклепии" за последние два года. Три часа работы с каталогами и медицинскими журналами не принесли результатов – ни одного упоминания об экспериментальном лечении рассеянного склероза.

– Тупик, – пробормотала Искра, массируя виски.

– Простите? – раздался голос за спиной.

Искра обернулась и увидела женщину лет тридцати пяти с усталыми серыми глазами и собранными в небрежный пучок темными волосами.

– Ничего, просто думаю вслух, – ответила Искра.

Женщина кивнула и направилась к соседнему стеллажу, но вдруг остановилась, заметив раскрытый журнал на столе Искры.

– Вы интересуетесь нейродегенеративными заболеваниями? – спросила она.

– Да, – Искра инстинктивно прикрыла свои записи. – А вы?

– Я патологоанатом, – женщина протянула руку. – Зоя Вержбицкая.

Искра пожала протянутую руку, чувствуя мозолистую кожу – руки человека, привыкшего к скальпелю.

– Искра Лавриненко, журналист.

Они изучающе смотрели друг на друга, как два хищника, случайно встретившиеся на нейтральной территории.

– Журналист, интересующийся редкими патологиями легких при нейродегенеративных заболеваниях? – Зоя кивнула на открытую статью. – Необычная специализация.

– Патологоанатом, проводящий исследование в свободное от работы время? – парировала Искра, заметив усталость в глазах собеседницы. – Тоже нестандартно.

Зоя улыбнулась – впервые за день, судя по тому, как неуверенно это выглядело.

– Я ищу информацию о необычных изменениях в легочной ткани, – сказала она после паузы. – У пациентов, официально умерших от сердечной недостаточности.

Искра почувствовала, как учащается пульс.

– А я ищу информацию о своей пропавшей подруге, – сказала она. – Которая проходила экспериментальное лечение в клинике "Асклепий" и оставила странное сообщение о каких-то неофициальных инъекциях.

Они смотрели друг на друга, и в глазах обеих читалось одно и то же осознание: они держат в руках разные части одной головоломки.

– Нам нужно поговорить, – сказала Зоя. – Но не здесь.

Час спустя Искра снова была у клиники "Асклепий", но на этот раз с конкретной целью. Пользуясь информацией, полученной от Зои, она искала связь между пропавшей Леной и умершими чиновниками.

Служебный вход в клинику охранялся, но не так тщательно, как главный. Дождавшись, когда группа медсестер будет заходить внутрь, Искра смешалась с ними, накинув белый халат, "позаимствованный" из прачечной.

Внутри она быстро нашла лестницу, ведущую в административное крыло. По информации Зои, именно там должны были храниться архивы с данными о клинических испытаниях.

Коридоры были пусты – конец рабочего дня, большинство сотрудников уже ушли. Искра осторожно продвигалась

вперед, проверяя таблички на дверях. "Бухгалтерия", "Отдел кадров", "Юридический отдел"...

Наконец она нашла то, что искала: "Архив клинических исследований". Дверь была заперта, но это не остановило Искру. Годы журналистских расследований научили её многому, в том числе и вскрытию простых замков.

Внутри архива стояли ряды металлических шкафов с папками. Искра быстро нашла раздел с последними исследованиями и начала просматривать названия.

"Ренессанс-Х" – гласила надпись на одной из папок. Искра открыла её и замерла. Внутри был список участников клинических испытаний, и среди них – Елена Сомова. Рядом с её именем стояла пометка: "Переведена в Фазу 2".

В том же списке значились и фамилии чиновников, о которых говорила Зоя: Громов и Соколов. Рядом с их именами стояли красные отметки.

Искра быстро сфотографировала документы на телефон. Перелистывая страницы, она наткнулась на описание препарата: "Экспериментальное средство для лечения нейродегенеративных заболеваний, воздействующее на..."

– Эй! Кто здесь? – раздался голос из коридора.

Искра замерла. Шаги приближались к двери архива. Она быстро вернула папку на место и огляделась в поисках укрытия. Шкафы стояли вплотную к стенам, под столом не спрячешься – слишком мало места.

Дверная ручка повернулась.

В отчаянии Искра метнулась к окну. Второй этаж – высоко, но выбора не было. Она распахнула окно в тот момент, когда дверь начала открываться.

– Служба безопасности! Стоять! – раздался мужской голос.

Искра не оглянулась. Одним движением она перемахнула через подоконник и повисла на руках, цепляясь за карниз. Пальцы скользили по мокрому от дождя камню. Внизу, метрах в пяти, виднелся узкий выступ – декоративный элемент фасада.

В окне появилось лицо охранника.

– Черт! – выругался он, пытаясь схватить Искру за руки.

Она разжала пальцы за мгновение до того, как он дотянулся, и приземлилась на выступ, едва удержав равновесие. Не давая себе времени на страх, Искра двинулась вдоль фасада, цепляясь за неровности стены. Сверху доносились крики и топот – охрана поднимала тревогу.

Добравшись до водосточной трубы, Искра обхватила её руками и ногами и начала спускаться. Труба скрипела и шаталась, грозя оторваться от стены. Когда до земли оставалось около двух метров, крепление не выдержало. Искра полетела вниз, в последний момент сгруппировавшись.

Приземление вышло жестким – острая боль пронзила лодыжку. Но адреналин заглушал всё. Она поднялась и, прихрамывая, бросилась к кустам, окружавшим территорию клиники.

Сирены завывали, когда она уже пересекала парковку. Фигуры охранников метались у главного входа, прочесывая территорию. Искра нырнула между машинами, стараясь держаться в тени.

Её "Фольксваген" стоял в двух кварталах отсюда. Если удастся добраться до него незамеченной...

– Стой! – окрик раздался справа.

Искра обернулась и увидела охранника, бегущего к ней. Высокий, широкоплечий, с военной выправкой – не тот, что был в архиве. Этот выглядел опаснее.

Она рванула вперед, игнорируя боль в ноге. Свернула за угол здания, пробежала через служебную парковку и выскочила на улицу. Дождь хлестал по лицу, смывая выступивший пот.

Охранник не отставал. Искра слышала его тяжелое дыхание за спиной. Он был быстрее и сильнее, но она лучше знала район.

Резко свернув в узкий проход между домами, Искра нырнула в подворотню, затем в еще один проулок. Петляя как заяц, она пыталась запутать след. Наконец, выскочив на оживленную улицу, она смешалась с толпой вечерних прохожих.

Только через квартал, убедившись, что погони нет, Искра позволила себе перейти на шаг. Лодыжка пульсировала болью, промокшая одежда липла к телу, но главное – она была жива и на свободе. И у неё были фотографии документов.

Добравшись до машины, она упала на сиденье и несколь-

ко минут просто дышала, приходя в себя. Потом достала телефон и набрала номер.

– Зоя? Это Искра. Я нашла кое-что. И, кажется, теперь за мной тоже охотятся.

В маленьком кафе на окраине города было почти пусто. Искра сидела в дальнем углу, прикладывая пакет со льдом к опухшей лодыжке. Напротив неё – Зоя, изучающая фотографии документов на экране ноутбука.

– "Ренессанс-Х", – пробормотала Зоя. – Судя по молекулярной формуле, это какой-то новый нейропротектор. Но эти компоненты... – она нахмурилась. – Некоторые из них я видела в токсикологическом анализе Соколова.

– Что это значит? – спросила Искра, отпивая горячий чай.

– Это значит, что Громов и Соколов были участниками клинических испытаний, – Зоя потерла переносицу. – И, возможно, умерли из-за побочных эффектов препарата.

– А моя подруга? – Искра подалась вперед. – Что значит "переведена в Фазу 2"?

– Не знаю, – Зоя покачала головой. – Но если препарат вызвал смерть двух пациентов, почему испытания продолжают?

Они помолчали, обдумывая ситуацию.

– Нам нужно больше информации, – наконец сказала Искра. – О самом препарате, о компании "ФеноГен", о Бергере.

– И о "Фазе 2", – добавила Зоя. – Я могу попробовать получить доступ к медицинским базам данных через знакомо-

го в Минздраве.

– А я проверю свои журналистские источники, – кивнула Искра. – Кстати, ты говорила, что сегодня у тебя какая-то встреча?

Зоя взглянула на часы и вздрогнула.

– Черт, я опаздываю! Кафе "Старые книги", мне нужно быть там через двадцать минут.

– Я отвезу тебя, – Искра поднялась, морщась от боли в лодыжке. – Заодно подстрахую. После сегодняшнего я не верю в совпадения.

Змиевский наблюдал за кафе из неприметного серого "Форда", припаркованного через дорогу. Рядом сидел молодой человек с аппаратурой для прослушивания.

– Объект приближается, – сообщил техник, глядя на экран планшета. – Но не одна. С ней еще женщина.

Змиевский прищурился, разглядывая двух женщин, выходящих из потрепанного "Фольксвагена". Одна – темноволосая, с прямой осанкой – патологоанатом Вержбицкая. Вторая – рыжеватая, слегка прихрамывающая...

– Это та самая журналистка, – процедил он сквозь зубы. – Которая сбежала из клиники.

Он достал телефон и набрал номер.

– Доктор Бергер? У нас осложнение. Вержбицкая не одна. С ней Лавриненко, та журналистка, которая проникла в архив. Они уже вместе.

Выслушав ответ, он кивнул.

– Понял. Продолжаем наблюдение.

Змиевский убрал телефон и снова сосредоточился на кафе. Ситуация усложнялась. Одна копающая женщина – проблема. Две, объединившие усилия, – серьезная угроза.

Но у каждой проблемы есть решение. И Змиевский знал множество способов решать проблемы. Даже самые сложные.

Глава 4: Тени прошлого

Кафе "Старые книги" оправдывало своё название – стены, уставленные потрепанными томами, деревянные столы, хранящие следы многолетнего использования, и особый запах, смесь кофе, старой бумаги и корицы. Зоя любила это место за атмосферу и за то, что здесь можно было говорить, не опасаясь лишних ушей.

Она сидела за угловым столиком, нервно постукивая пальцами по чашке с остывшим эспрессо. Искра устроилась за соседним столом, делая вид, что увлечена книгой, но на самом деле внимательно наблюдая за входом.

Когда дверь кафе открылась, впуская Макара Штольца, Зоя почувствовала знакомый трепет – смесь раздражения и чего-то более глубокого, в чем она не хотела себе признаваться. Он выглядел уставшим, но по-прежнему безупречным в своем темно-сером костюме.

– Извини за опоздание, – сказал Макар, садясь напротив. – Задержали на совещании.

– Ничего, – Зоя пыталась сохранять профессиональный

тон. – Спасибо, что пришел.

Макар внимательно посмотрел на неё, затем перевел взгляд на Искру.

– Твоя подруга?

– Коллега, – уклончиво ответила Зоя. – Не обращай внимания.

Он кивнул, но в его глазах читалось понимание – он знал, что это страховка.

– Итак, – Макар сложил руки на столе, – ты хотела поговорить о деле Соколова?

– Не только о нем, – Зоя понизила голос. – Макар, мне нужен доступ к закрытой информации. К медицинским картам Громова и Соколова.

Он нахмурился.

– Зачем?

– Потому что их смерти не были естественными, – она подалась вперед. – И не были случайными.

Макар молчал, ожидая продолжения. Зоя достала из сумки папку и положила перед ним.

– Посмотри на результаты вскрытия. Я отметила аномалии в легочной ткани. Такие изменения не характерны для сердечной недостаточности. И они идентичны у обоих.

Макар просмотрел документы, его лицо оставалось непроницаемым.

– Это может быть совпадением, – сказал он наконец. – Профессиональная деформация, Зоя. Ты везде видишь за-

гадки.

– А это? – она протянула ему распечатку токсикологического анализа. – Костин передал тебе настоящие результаты, а потом "покончил с собой". Совпадение?

Макар помрачнел.

– Откуда ты знаешь про Костина?

– Ты сам мне рассказал, – напомнила Зоя. – Когда приходил ко мне домой.

Он покачал головой.

– Я не говорил, что он передал мне результаты анализа.

Они замолчали, глядя друг на друга. Воздух между ними, казалось, сгустился от напряжения.

– Что еще ты знаешь, Зоя? – тихо спросил Макар.

– Что Громов и Соколов были участниками клинических испытаний в клинике "Асклепий", – она наблюдала за его реакцией. – Испытаний экспериментального препарата под названием "Ренессанс-Х".

Макар откинулся на спинку стула, его взгляд стал жестче.

– Откуда эта информация?

– Неважно, – Зоя покачала головой. – Важно то, что эти люди умерли из-за побочных эффектов препарата. И кто-то пытается это скрыть.

Макар долго молчал, словно принимая решение.

– Зоя, – наконец произнес он, – ты понимаешь, во что ввязываешься? Если ты права, речь идет о крупном фармацевтическом скандале. Возможно, о преступной халатности или

даже умышленном причинении вреда. Это серьезные обвинения.

– Поэтому мне нужна твоя помощь, – она посмотрела ему прямо в глаза. – Мне нужен доступ к их медицинским картам. К настоящим картам, не к тем, что подделаны для отвода глаз.

Макар провел рукой по лицу – жест, который она помнила по их совместным ночам, когда он был измотан сложным делом.

– Я не могу просто так запросить эти документы, – сказал он. – Нужны официальные основания.

– Тогда найди их, – в голосе Зои звучала сталь. – Ты же следователь по особо важным делам. Придумай что-нибудь.

Он усмехнулся, но без веселья.

– Ты всегда была настойчивой, – заметил Макар. – Даже когда это вредило тебе самой.

Зоя почувствовала, как прошлое накрывает её волной. Пять лет назад, в другом кафе, они сидели так же напротив друг друга. Только тогда между ними не было профессиональной дистанции. Только работа, которая в итоге их разлучила.

Пять лет назад

– Ты не понимаешь, Зоя, – Макар говорил тихо, но в его голосе звенело напряжение. – Это не просто расследование. Речь идет о системной коррупции в медицинских кругах. О поддельных диагнозах, о фальсифицированных результатах

исследований.

– И ты думаешь, что я в этом замешана? – она не верила своим ушам.

– Нет, – он покачал головой. – Но твой начальник, профессор Климов, точно в деле. И мне нужна твоя помощь, чтобы его поймать.

Зоя смотрела на человека, которого любила последние два года, и не узнавала его.

– Ты просишь меня шпионить за коллегами? Предать человека, который был моим наставником?

– Я прошу тебя помочь восстановить справедливость, – Макар взял её за руку. – Подумай о пациентах, которым ставят ложные диагнозы, чтобы выкачать деньги. О поддельных лекарствах, которые им продают.

– А ты подумай о презумпции невиновности, – Зоя отдернула руку. – О профессиональной этике. О доверии.

Они смотрели друг на друга через пропасть, которая становилась все шире.

– Значит, ты выбираешь сторону, – наконец сказал Макар.

– Нет, – покачала головой Зоя. – Я просто не могу выбрать твою.

В тот вечер она ушла из его квартиры с двумя чемоданами и разбитым сердцем. А через месяц профессор Климов был арестован по обвинению в мошенничестве и подделке медицинских документов. Макар оказался прав. Но цена этой правоты была слишком высока для них обоих.

– Зоя? – голос Макара вернул её в настоящее. – Ты слушаешь?

– Да, – она моргнула, отгоняя воспоминания. – Извини, задумалась.

– Я говорю, что попробую получить доступ к картам, – повторил он. – Но не обещаю результата. И мне нужно больше информации. Что именно ты ищешь?

– Любые упоминания о препарате "Ренессанс-Х", – ответила Зоя. – О клинических испытаниях. О компании "Фено-Ген". И о докторе Платоне Бергере.

Макар поднял бровь.

– Бергер? Тот самый кардиохирург, светило медицины?

– Он самый, – кивнула Зоя. – Директор клиники "Асклепий", где проводились испытания.

Макар задумчиво постукивал пальцами по столу – еще одна привычка, которую она помнила.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Я посмотрю, что можно сделать. Но, Зоя... будь осторожна. Если ты права, и кто-то пытается скрыть последствия неудачных испытаний, они не остановятся ни перед чем.

– Я знаю, – она слабо улыбнулась. – Поэтому и пришла к тебе.

Их взгляды встретились, и на мгновение годы разлуки словно растворились. Они снова были командой – упрямый патологоанатом и принципиальный следователь.

– Кстати, – Макар понизил голос, – за тобой следят. Муж-

чина за столиком у окна, читает газету. И еще один в машине напротив кафе.

Зоя не обернулась, но напряглась.

– Давно?

– С момента твоего прихода, – Макар говорил спокойно, словно обсуждал погоду. – Профессионалы. Возможно, бывшие военные или спецслужбы.

– Что будем делать? – спросила Зоя.

– Сейчас – ничего, – он допил свой кофе. – Пусть думают, что мы их не заметили. Я выйду первым, ты – через десять минут. Встретимся завтра в моем кабинете, в управлении. Там безопаснее.

Он встал, оставил деньги за кофе и, наклонившись, словно прощаясь, прошептал:

– И проверь свою машину на жучки. Они наверняка прослушивают.

Следующим утром Зоя и Макар сидели в его кабинете в Следственном комитете, разложив на столе документы.

– Смотри, – Макар указал на экран компьютера. – Я проверил базы данных. За последние два года в "Асклепии" было зарегистрировано три клинических испытания. Два – официально, с разрешения Минздрава. Третье – под кодовым названием "Проект Р" – нигде не фигурирует в открытых источниках.

– "Ренессанс", – пробормотала Зоя. – Это должно быть оно.

– Возможно, – кивнул Макар. – Но без дополнительных доказательств это только предположение.

– А что с медицинскими картами?

Макар покачал головой.

– Пока не удалось получить. Но я нашел кое-что интересное, – он открыл другой файл. – За последние шесть месяцев четверо высокопоставленных чиновников и бизнесменов умерли от сердечной недостаточности. Все они были пациентами "Асклепия".

Зоя выпрямилась.

– Четверо? Я знаю только о двоих – Громе и Соколове.

– Еще Дорохов, замминистра транспорта, и Игнатьев, владелец строительного холдинга, – Макар показал фотографии. – Оба скончались "от естественных причин" после непродолжительной болезни.

– Мне нужно увидеть результаты их вскрытий, – Зоя лихорадочно записывала имена.

– Если они вообще проводились, – заметил Макар. – Игнатьева кремировали на следующий день после смерти. Слишком быстро, на мой взгляд.

Они замолчали, осмысливая информацию. Масштаб возможного заговора вырисовывался все четче.

– Макар, – Зоя посмотрела на него, – если мы правы, то речь идет не просто о врачебной ошибке или халатности. Это...

– Преднамеренное убийство, – закончил он за неё. – Воз-

можно, серийное.

В дверь постучали, и в кабинет вошел седой мужчина с военной выправкой – полковник Громов, начальник Макара.

– Штольц, зайди ко мне, когда освободишься, – сказал он, окидывая взглядом разложенные документы и Зою. – И, доктор Вержбицкая, рад видеть вас в добром здравии.

Когда дверь за ним закрылась, Зоя вопросительно посмотрела на Макара.

– Он знает, что мы расследуем?

– Нет, – Макар покачал головой. – Но он не дурак. И его насторожит твое присутствие.

– Почему?

– Потому что ты – патологоанатом, связанный с делом Соколова, – пояснил Макар, собирая документы в папку. – А я не запрашивал официального сотрудничества с моргом.

Зоя кивнула, понимая ситуацию. Макар действовал неофициально, возможно, даже нарушая протокол.

– Что ты ему скажешь?

– Правду, – Макар пожал плечами. – Часть правды. Что консультируюсь с тобой по поводу странностей в деле Соколова.

– А он не заинтересуется?

– Заинтересуется, – Макар вздохнул. – Поэтому нам нужно быть осторожнее. Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

Когда за Макаром закрылась дверь, Зоя осталась одна в его кабинете. Она огляделась, отмечая детали – минимали-

стичный интерьер, идеальный порядок на столе, отсутствие личных фотографий. Типичный Макар – все под контролем, никаких эмоций на поверхности.

Её взгляд упал на стопку папок в углу стола. Верхняя была подписана "Дело №347-С. Соколов И.П." Зоя колебалась лишь секунду, прежде чем потянуться к ней. Профессиональное любопытство победило этические соображения.

Внутри она нашла стандартный набор документов – протоколы осмотра места происшествия, показания свидетелей, заключение судмедэксперта. Ничего, что она не видела раньше. Но в самом конце папки лежал тонкий лист бумаги с грифом "Для служебного пользования". Это была служебная записка от начальника управления:

"Майору Штольцу М.А. По делу о смерти Соколова И.П. рекомендуется придерживаться версии о естественных причинах смерти. Дальнейшее расследование нецелесообразно. Основание: указание сверху."

Зоя почувствовала, как холодок пробежал по спине. "Указание сверху" – эвфемизм, означающий вмешательство высокопоставленных лиц. Кто-то очень влиятельный не хотел, чтобы смерть Соколова расследовали.

Она быстро сфотографировала записку на телефон и вернула папку на место. Когда дверь открылась, Зоя уже сидела в кресле для посетителей, делая вид, что просматривает свои заметки.

Макар вошел с напряженным лицом.

– Что случилось? – спросила Зоя, хотя уже догадывалась об ответе.

– Меня предупредили, – он закрыл дверь и подошел к столу. – "Не копать слишком глубоко" – дословная цитата.

– Кто предупредил? Громов?

– Да, – Макар сел напротив неё. – Но он просто передал послание. Приказ пришел сверху.

Зоя кивнула, не удивленная.

– Я нашла служебную записку в деле Соколова, – призналась она. – Там то же самое – "указание сверху".

Макар не выглядел рассерженным из-за её вторжения в документы.

– Значит, мы на правильном пути, – сказал он. – Кто-то очень влиятельный замечает следы.

– Но кто? – Зоя подалась вперед. – "ФеноГен"? Бергер? Или кто-то еще выше?

– Не знаю, – Макар потер переносицу. – Но теперь мне придется действовать еще осторожнее. Официально я должен свернуть расследование.

– А неофициально?

Он посмотрел на неё с той же решимостью, которую она помнила по их совместной работе пять лет назад.

– Неофициально я продолжу копать. Но тебе лучше держаться в стороне, Зоя. Это может быть опасно.

Она усмехнулась.

– Поздно. Я уже по уши в этом деле. И не собираюсь от-

ступать.

Макар покачал головой, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на восхищение.

– Ты не изменилась, – сказал он тихо. – Все та же упрямая Зоя Вержбицкая.

– А ты все так же пытаешься меня защитить, – парировала она. – Хотя знаешь, что это бесполезно.

Между ними повисла пауза, наполненная невысказанными словами и воспоминаниями.

– Что будем делать дальше? – наконец спросила Зоя, возвращаясь к делу.

– Нам нужны доказательства, – Макар выпрямился, снова становясь профессионалом. – Конкретные факты, которые свяжут смерти с клиническими испытаниями. Что-то, что нельзя будет замаять "указанием сверху".

– Я могу попробовать получить образцы тканей Дорохова, – предложила Зоя. – Если у него те же изменения в легких, что у Громова и Соколова, это будет серьезным аргументом.

– А я проверю финансовые связи, – кивнул Макар. – Кто финансирует "ФеноГен", кто стоит за клиникой "Асклепий". Деньги всегда оставляют след.

Они обсудили детали плана, стараясь предусмотреть все возможные риски. Когда Зоя собралась уходить, Макар остановил её у двери.

– Зоя, – он говорил тихо, почти интимно, – будь осторож-

на. Правда. Эти люди не остановятся ни перед чем.

Она почувствовала его искреннее беспокойство и на мгновение позволила себе вспомнить, каково это – быть защищенной, любимой.

– Ты тоже, – ответила она. – Не рискуй карьерой из-за меня.

– Не из-за тебя, – покачал головой Макар. – Из-за справедливости. Как всегда.

Они смотрели друг на друга, и пять лет разлуки словно растворялись в воздухе. Зоя первой отвела взгляд.

– Созвонимся вечером, – сказала она, открывая дверь.

Вечер выдался промозглым. Моросящий дождь превращал улицы в зеркала, отражающие огни города. Зоя ехала домой, мысленно перебирая события дня. Встреча с Макаром всколыхнула чувства, которые она считала давно похороненными.

Пять лет назад их разрыв был болезненным для обоих. Она не могла предать своего наставника, даже зная, что Макар прав. Он не мог поступиться принципами ради отношений. Оба были слишком упрямы, слишком преданы своему делу.

И вот теперь судьба снова свела их вместе. Снова расследование, снова этические дилеммы. Только теперь они были по одну сторону баррикад.

Зоя припарковалась возле своего дома и несколько минут просто сидела в машине, слушая шум дождя по крыше. День

выдался изматывающим, и все, чего ей хотелось, – горячая ванна и бокал вина.

Она потянулась к сумке на пассажирском сиденье и случайно уронила ключи. Наклонившись, чтобы поднять их, Зоя заметила что-то странное под приборной панелью – маленький черный предмет, прикрепленный к проводке.

Сердце пропустило удар. Жучок. Прослушивающее устройство.

Макар был прав – за ней действительно следили. И не просто наблюдали, но и слушали каждое слово.

Зоя осторожно осмотрела устройство, не прикасаясь к нему. Профессиональная работа – маленькое, почти незаметное, с автономным питанием. Такие используют спецслужбы или очень хорошо оснащенные частные структуры.

Она достала телефон, но не стала звонить Макару. Если машина прослушивается, то и телефон, вероятно, тоже. Вместо этого она написала сообщение Искре:

"Нашла жучок в машине. Встретимся завтра в 10 утра в парке Горького, у фонтана. Не звони мне."

Отправив сообщение, Зоя вышла из машины, делая вид, что ничего не обнаружила. Она не стала вынимать жучок – пусть те, кто следит за ней, думают, что их не раскрыли. Это давало ей небольшое преимущество.

Поднимаясь по лестнице к своей квартире, Зоя чувствовала, как адреналин пульсирует в венах. Игра становилась опасной. Кто-то достаточно влиятельный, чтобы заблокиро-

вать официальное расследование, и достаточно беспринципный, чтобы организовать слежку за государственным служащим, не остановится на этом.

У двери квартиры она замерла. Что-то было не так. Едва заметная царапина на замке, словно кто-то неумело пытался его вскрыть. Или это паранойя?

Зоя осторожно вставила ключ и повернула его. Дверь открылась как обычно. Внутри было темно и тихо.

Она включила свет и медленно прошла по квартире, проверяя каждую комнату. Все выглядело нетронутым, но интуиция подсказывала, что здесь кто-то был. Мелкие детали – чуть сдвинутая книга на полке, не так лежащая подушка на диване – все говорило о постороннем присутствии.

В спальне Зоя обнаружила то, что искала – еще один жучок, искусно спрятанный в настольной лампе. А в ванной – третий, под раковиной.

Тот, кто установил их, был профессионалом. Обычный человек никогда бы не заметил эти устройства. Но Зоя не была обычным человеком. Годы работы с Макаром научили её замечать детали, видеть то, что скрыто от других.

Она не стала трогать жучки. Вместо этого включила телевизор погромче и пошла в ванную. Под шум воды достала из сумки блокнот и написала записку:

"Квартира прослушивается. Минимум три устройства. Действуем по плану Б."

Затем она приняла душ, переделась и, как ни в чем не

бывало, поужинала перед телевизором. Для тех, кто слушал, она была просто уставшей женщиной, вернувшейся с работы.

Но внутри Зоя кипела от гнева и решимости. Они перешли черту, вторгшись в её личное пространство. Теперь это стало не просто расследованием – это стало войной.

Перед сном она отправила еще одно сообщение, на этот раз Макару:

"Завтра не выходи на связь обычным способом. Встретимся в 12:00 там, где впервые поцеловались. Важно."

Место их первого поцелуя – старый книжный магазин на Чистых прудах. Макар поймет намек. И поймет, что ситуация серьезная, раз она использует такой личный код.

Зоя легла в постель, но не могла уснуть. Мысли крутились вокруг расследования, вокруг Макара, вокруг опасности, которая становилась все более реальной.

Кто стоял за всем этим? Насколько высоко это уходило? И как далеко они готовы зайти, чтобы сохранить свои секреты?

Она не знала ответов. Но была полна решимости их найти. Даже если придется заплатить высокую цену.

За окном продолжал моросить дождь, смывая следы прошлого и настоящего. Где-то в темноте города невидимые глаза следили за ней, невидимые уши слушали каждый звук в её квартире.

Игра началась. И ставки были выше, чем когда-либо.

Глава 5: Первая кровь

Кабинет доктора Бергера располагался на верхнем этаже клиники "Асклепий" и больше напоминал офис успешного бизнесмена, чем рабочее место врача. Панорамные окна открывали вид на город, дорогая мебель из темного дерева создавала атмосферу власти и достатка.

Змиевский стоял у окна, наблюдая за дождем, барабанившим по стеклу. Его отражение – высокий мужчина с военной выправкой и холодными глазами – смотрело на него из темноты за окном.

– Ситуация выходит из-под контроля, – голос Бергера звучал спокойно, но Змиевский знал, что это спокойствие обманчиво. – Патологоанатом и следователь объединились. Теперь еще и журналистка копает.

– Я предупреждал, что нужно действовать решительнее, – ответил Змиевский, не оборачиваясь.

– И что вы предлагаете? – Бергер откинулся в кресле. – Убить государственного служащего и известного патологоанатома? Это привлечет еще больше внимания.

Змиевский повернулся к нему.

– Есть другие способы решения проблем, доктор. Не обязательно такие радикальные.

Бергер изучающе смотрел на своего начальника службы безопасности. Они работали вместе уже пять лет, но иногда ему казалось, что он совсем не знает этого человека. Бывший военный с туманным прошлым, Змиевский был эффективен и безжалостен. Именно поэтому Бергер и нанял его.

– Что с медсестрой? – спросил Бергер. – Той, что говорила с журналисткой?

– Марина Ковалева, – Змиевский произнес имя без эмоций. – Она становится проблемой. Слишком много знает, слишком много вопросов задает.

– Решите эту проблему, – Бергер отвернулся к компьютеру, давая понять, что разговор окончен. – И займитесь нашими любопытными друзьями. Без крайних мер, если возможно. Но результат должен быть.

Змиевский кивнул и направился к двери. На пороге он остановился.

– Доктор Бергер, – сказал он, не оборачиваясь, – вы понимаете, что рано или поздно придется принимать окончательные решения?

Бергер поднял глаза от монитора.

– Я понимаю, что на кону стоит будущее медицины, Змиевский. И моя репутация. Делайте, что считаете нужным. Просто решите проблему.

Змиевский вышел, тихо закрыв за собой дверь. В пустом коридоре он достал телефон и набрал номер.

– Подготовьте досье на Ковалеву, – приказал он. – Полное. Личная жизнь, проблемы, слабости. И начинайте операцию "Тишина". Пора заставить наших друзей замолчать.

Марина Ковалева возвращалась домой поздно. Двойная смена в клинике вымотала её до предела, но беспокоило не это. Последние дни она чувствовала на себе пристальные

взгляды коллег. Особенно Змиевского. Он ничего не говорил, просто смотрел своими холодными глазами, но этого было достаточно, чтобы по спине бежали мурашки.

Она знала, что совершила ошибку, заговорив с той журналисткой. Но разве могла она молчать после того, что видела в "особом" отделении? После тех странных процедур, которые проводили пациентам без записи в медицинских картах?

Марина вздрогнула, вспомнив бледные лица пациентов "Фазы 2". Они выглядели иначе. Словно что-то внутри них медленно угасало.

Дождь усилился, когда она подходила к своему подъезду. Промокшая насквозь, Марина торопливо искала ключи в сумке. Позади скрипнули тормоза автомобиля, но она не обратила внимания – обычный звук для спального района.

– Марина Алексеевна? – окликнул мужской голос.

Она обернулась и увидела высокого мужчину в темном плаще. Его лицо скрывалось в тени, но что-то в его позе показалось ей знакомым.

– Да? – неуверенно ответила она.

– Можно с вами поговорить? – мужчина сделал шаг вперед. – О клинике "Асклепий". И о том, что вы рассказали журналистке.

Сердце Марины пропустило удар. Она попятилась к подъезду.

– Я ничего не рассказывала, – её голос дрожал. – Извините, мне пора.

– Боюсь, это невозможно, – мужчина оказался рядом с ней так быстро, что она не успела среагировать. – У нас серьезный разговор, Марина Алексеевна.

Последнее, что она почувствовала, – укол в шею и сильные руки, подхватившие её оседающее тело.

– Самоубийство? – Зоя недоверчиво смотрела на тело молодой женщины на секционном столе. – Вы серьезно?

Дежурный патологоанатом, молодой парень с усталыми глазами, пожал плечами.

– Так в протоколе. Повесилась в собственной ванной. Предсмертная записка на столе, дверь заперта изнутри. Классика.

Зоя внимательно осмотрела шею покойной. Странгуляционная борозда выглядела необычно – слишком ровная, слишком профессиональная.

– Кто нашел тело?

– Соседка, – ответил патологоанатом, сверяясь с бумагами. – Забеспокоилась, когда Ковалева не вышла на работу и не отвечала на звонки. Вызвала МЧС, те вскрыли дверь.

– И никого не смутило, что молодая здоровая женщина без видимых причин решила покончить с собой? – Зоя продолжала осмотр, теперь проверяя руки покойной.

– Ну, в записке что-то про депрессию, про то, что не может жить с тем, что знает... – парень явно хотел поскорее закончить и уйти домой. – Слушай, Зоя, я не понимаю, почему ты вообще здесь. Это не твое дежурство.

– Просто проходила мимо, – она улыбнулась, скрывая напряжение. – Решила помочь коллеге. Иди, отдохни, я закончу здесь.

Когда дверь за ним закрылась, Зоя быстро достала телефон и сделала несколько снимков тела. Затем надела перчатки и начала тщательный осмотр.

То, что она обнаружила, подтвердило её подозрения. Крошечный след от укола на шее, почти незаметный для неопытного глаза. Следы борьбы – микроскопические царапины на запястьях, где кто-то крепко держал руки жертвы. И самое главное – характер странгуляционной борозды не соответствовал повешению.

Марину Ковалеву убили. А затем инсценировали самоубийство.

Зоя быстро закончила осмотр, взяла образцы тканей для токсикологического анализа и аккуратно зашила тело. В официальном заключении она подтвердила версию о самоубийстве – пока что. Но сделала собственные подробные заметки и сохранила все доказательства.

Выйдя из морга, она позвонила Искре.

– Медсестра мертва, – сказала Зоя без предисловий. – Марина Ковалева, та, что говорила с тобой в клинике. Официальная версия – самоубийство, но это убийство. Профессиональное.

– Господи, – голос Искры дрогнул. – Это из-за меня? Из-за того, что она со мной говорила?

– Не вини себя, – твердо сказала Зоя. – Ты не могла знать. Но теперь мы точно знаем, что имеем дело с опасными людьми. Будь осторожна. И предупреди Макара – я не могу с ним связаться.

– Хорошо, – Искра помолчала. – Зоя, я собираюсь опубликовать статью. Не прямое обвинение, просто намеки на нарушения в "Асклепий". Может, это заставит их нервничать, делать ошибки.

– Или разозлит еще больше, – Зоя вздохнула. – Но ты права, нам нужно действовать. Только будь предельно осторожна.

Кабинет Макара Штольца был завален бумагами. Он провел бессонную ночь, изучая финансовые документы "ФеноГена" и клиники "Асклепий". То, что он обнаружил, заставило его окончательно поверить в теорию Зои.

Компания "ФеноГен" была основана десять лет назад группой инвесторов, среди которых фигурировали офшорные компании с непрозрачной структурой собственности. Три года назад контрольный пакет акций перешел к холдингу "Медикал Инновейшнс", принадлежащему Аркадию Громову – брату его начальника, полковника Громова.

Клиника "Асклепий" формально была независимым учреждением, но получала значительное финансирование от "ФеноГена" на клинические исследования. А среди членов попечительского совета клиники числились высокопоставленные чиновники, включая министра здравоохранения.

Все нити сходились к одному человеку – доктору Платону Бергеру, который был и научным директором "ФеноГена", и главой клиники "Асклепий".

Макар откинулся в кресле, массируя виски. Картина складывалась пугающая. Если Бергер действительно проводил незаконные клинические испытания, которые привели к смерти пациентов, и если в этом замешаны высокопоставленные чиновники...

Дверь кабинета открылась без стука. На пороге стоял полковник Громов.

– Штольц, – его голос звучал напряженно, – зайди ко мне. Сейчас же.

В кабинете начальника Макара ждал сюрприз – за столом рядом с Громовым сидел заместитель министра внутренних дел Карпов, известный своей жесткостью и связями в высших эшелонах власти.

– Майор Штольц, – Карпов кивнул, не вставая. – Наслышан о вас. Перспективный сотрудник, безупречная репутация.

– Благодарю, господин заместитель министра, – Макар стоял навытяжку, чувствуя, как напрягаются мышцы спины.

– Присаживайтесь, – Карпов указал на стул. – У нас серьезный разговор.

Макар сел, сохраняя невозмутимое выражение лица.

– Майор, до нас дошла информация, что вы проводите неофициальное расследование в отношении клиники "Ас-

клепый" и компании "ФеноГен", – Карпов говорил спокойно, но в его голосе слышалась сталь. – Это так?

Макар взвесил варианты. Отрицать бессмысленно – они явно что-то знают. Признаться – подставить себя и Зою.

– Я изучаю обстоятельства смерти Соколова и Громова, – осторожно ответил он. – В рамках этого расследования всплыла информация о клинике, где они лечились.

– И вы решили копать дальше без санкции руководства? – Громов подался вперед. – Несмотря на прямое указание свернуть расследование?

– Я следую фактам, товарищ полковник, – Макар встретил его взгляд. – Как и положено следователю.

Карпов усмехнулся.

– Похвальное рвение, майор. Но иногда оно может быть... неуместным. Особенно когда речь идет о стратегически важных проектах национального значения.

Макар напрягся. Вот оно что. "Проект национального значения".

– Простите, господин заместитель министра, но я не понимаю, какое отношение частная клиника и фармацевтическая компания имеют к национальным интересам, – Макар старался говорить спокойно, хотя внутри все кипело.

Карпов и Громов переглянулись. Затем заместитель министра наклонился вперед, понизив голос, словно опасаясь, что их могут подслушать.

– Майор, вы когда-нибудь слышали о проекте "Возрожде-

ние"?

Макар покачал головой.

– Это совместная инициатива Минздрава и силовых структур, – продолжил Карпов. – Разработка препаратов нового поколения для особых нужд государства.

– Каких именно нужд? – Макар почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Это не имеет значения, – отрезал Карпов. – Важно то, что ваше расследование создает помехи проекту государственной важности. И это недопустимо.

Громов положил перед Макаром папку.

– Вам предлагают возглавить отдел по борьбе с коррупцией в сфере здравоохранения, – сказал он. – Новое подразделение, прямое подчинение министру. Повышение в звании, увеличение оклада на 70%.

– А взамен? – Макар не притронулся к папке.

– Взамен вы прекращаете копать под "Асклепий" и "ФеноГен", – Карпов улыбнулся, но глаза остались холодными. – И забываете все, что узнали.

Макар молчал, обдумывая ситуацию. Ему предлагали взятку – завуалированную, но от этого не менее очевидную. И угрожали – тоже завуалированно.

– Мне нужно время подумать, – наконец сказал он.

– Конечно, – Карпов поднялся. – У вас есть 24 часа. Не разочаровывайте нас, майор. Вы слишком ценный сотрудник, чтобы... потерять перспективы.

Когда за Карповым закрылась дверь, Громов тяжело вздохнул.

– Макар, – он впервые за разговор назвал его по имени, – послушай старого волка. Некоторые дела лучше не трогать. Ради твоего же блага.

– А как же справедливость, товарищ полковник? – Макар смотрел ему прямо в глаза. – Разве не за неё мы должны бороться?

Громов покачал головой.

– Справедливость – роскошь, Макар. Иногда приходится выбирать между ней и выживанием.

Редакция "Независимого обозрения" гудела как улей. Искра сидела за своим столом, заканчивая статью, которая должна была выйти в завтрашнем номере. Она не называла прямо ни "Асклепий", ни "ФеноГен", но намеки были достаточно прозрачными для тех, кто умел читать между строк.

"Элитная частная клиника в центре столицы, известная своими инновационными методами лечения, может скрывать темную тайну. По информации из конфиденциальных источников, за последние полгода четверо высокопоставленных пациентов скончались при схожих обстоятельствах после прохождения "экспериментальной терапии". Официальная причина смерти во всех случаях – сердечная недостаточность. Однако независимые эксперты ставят этот диагноз под сомнение..."

Искра перечитала абзац и нахмурилась. Достаточно ли

осторожно она сформулировала обвинения? Не слишком ли прозрачны намеки? После смерти Марины Ковалевой она понимала, что играет с огнем.

– Лавриненко, – голос главного редактора вырвал её из размышлений, – зайди ко мне.

В кабинете Виктора Павловича, кроме него самого, сидел незнакомый мужчина в дорогом костюме.

– Искра, познакомься, – редактор выглядел необычно напряженным, – это Андрей Викторович Соколов, представитель инвестиционной группы "Меркурий".

Искра вздрогнула. Соколов. Как погибший бизнесмен.

– Брат Игоря Соколова, – словно прочитав её мысли, пояснил мужчина. – Того самого, о котором вы собираетесь писать в своей статье.

– Я не понимаю, о чем вы, – Искра попыталась сохранить невозмутимость.

– Бросьте, Искра Денисовна, – Соколов улыбнулся. – Мы знаем о вашем расследовании. О том, что вы проникли в архив клиники "Асклепий". О вашем общении с патологоанатомом Вержбицкой.

Искра молча смотрела на него, лихорадочно соображая, что делать.

– Я пришел не угрожать, – продолжил Соколов. – Наоборот. Я хочу помочь.

– Помочь? – Искра не скрывала скептицизма.

– Мой брат умер при странных обстоятельствах, – Соко-

лов подался вперед. – Официально – от сердечной недостаточности. Но Игорь никогда не жаловался на сердце. Он был здоров как бык. И вдруг – смерть во сне.

– Почему вы пришли ко мне?

– Потому что вы единственная, кто копает в правильном направлении, – Соколов достал из портфеля папку. – Здесь документы, которые могут вам помочь. Финансовые отчеты "ФеноГена", списки инвесторов, информация о клинических испытаниях.

Искра осторожно взяла папку.

– Почему вы не обратились в полицию?

Соколов горько усмехнулся.

– Вы думаете, я не пытался? Заявление приняли, начали проверку, а через неделю закрыли "за отсутствием состава преступления". А следователь, который проявил излишнее рвение, внезапно был переведен в другой город.

Искра открыла папку и бегло просмотрела документы. Если они подлинные, это была бомба.

– Я не могу гарантировать, что опубликую это, – честно сказала она. – Мне нужно проверить информацию.

– Разумеется, – кивнул Соколов. – Я просто хочу, чтобы правда вышла наружу. Чтобы те, кто виновен в смерти моего брата, ответили за это.

Когда Соколов ушел, главный редактор повернулся к Искре.

– Ты понимаешь, во что ввязываешься? – спросил он. –

"Меркурий" – серьезная структура. Если Соколов говорит правду, ты копаешь под очень влиятельных людей.

– Я знаю, – Искра крепче сжала папку. – Но кто-то должен это сделать.

Зоя вышла из здания морга поздно вечером. Дождь прекратился, но воздух был влажным и холодным. Она застегнула пальто и направилась к парковке.

Её машина стояла в дальнем углу, под тусклым фонарем. Зоя была уже в нескольких шагах от неё, когда заметила высокую фигуру, прислонившуюся к капоту.

– Добрый вечер, доктор Вержбицкая, – голос был спокойным, с легким акцентом, который она не могла идентифицировать.

Зоя остановилась, инстинктивно нащупывая в кармане пальто баллончик с перцовым спреем.

– Кто вы? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Мужчина шагнул в круг света. Высокий, подтянутый, с военной выправкой и холодными серыми глазами.

– Меня зовут Александр Змиевский, – он слегка наклонил голову. – Начальник службы безопасности клиники "Асклепий".

Зоя напряглась. Так вот кто следил за ней, кто установил жучки в её квартире и машине.

– Что вам нужно? – прямо спросила она.

– Поговорить, – Змиевский улыбнулся, но улыбка не кос-

нулась его глаз. – Доктор Бергер просил передать вам предложение.

– Какое еще предложение?

– Работа в "Асклепии", – Змиевский сделал шаг к ней. – Должность заведующей патологоанатомическим отделением. Вдвое больше вашей нынешней зарплаты, служебная квартира, возможность заниматься научной работой.

Зоя усмехнулась.

– И все, что от меня требуется – прекратить расследование смертей Громова и Соколова?

– Вы проницательны, – Змиевский кивнул. – Именно так. Забудьте о том, что узнали, и начните новую жизнь. Блестящую карьеру.

– А если я откажусь?

Змиевский пожал плечами.

– Тогда, боюсь, ваша нынешняя карьера может прерваться. Знаете, несчастные случаи происходят так неожиданно.

Это была прямая угроза, даже не замаскированная вежливыми формулировками.

– Вы мне угрожаете? – Зоя выпрямилась, глядя ему прямо в глаза.

– Я предлагаю выбор, – Змиевский был невозмутим. – Разумный человек выбрал бы жизнь и процветание вместо альтернативы.

Они стояли, глядя друг на друга, и воздух между ними, казалось, потрескивал от напряжения.

– Передайте доктору Бергеру, что я подумаю над его предложением, – наконец сказала Зоя.

– Разумно, – Змиевский кивнул. – У вас есть три дня. После этого предложение будет отозвано.

Он отошел от машины и направился к черному внедорожнику, припаркованному неподалеку. Перед тем как сесть в него, он обернулся.

– И еще, доктор Вержбицкая. Ваши друзья – журналистка и следователь – тоже получают предложения. Надеюсь, они окажутся такими же разумными, как вы.

Когда внедорожник скрылся за поворотом, Зоя выдохнула и прислонилась к машине. Руки дрожали. Угроза была недвусмысленной. Они знали о её расследовании, знали о Макаре и Искре. И были готовы на все, чтобы остановить их.

Она достала телефон и набрала номер Макара, но попала на голосовую почту. Затем позвонила Искре – тоже безрезультатно.

Чувство тревоги нарастало. Что, если с ними уже что-то случилось? Что, если Змиевский не ограничился разговорами?

Зоя села в машину и поехала домой, постоянно проверяя зеркало заднего вида. Слежки вроде бы не было, но она уже не доверяла своим ощущениям.

Поднимаясь к квартире, она заметила небольшой пакет у двери. Обычный почтовый конверт из плотной бумаги, без марок и надписей.

Зоя осторожно подняла его, проверила на наличие проводов или других подозрительных элементов. Ничего. Обычный конверт.

Внутри квартиры она надела перчатки и только потом открыла пакет. Внутри лежала флешка и записка, напечатанная на принтере:

"Доктор Вержбицкая, вы ищете правду о "Ренессансе-Х". Вот она. Используйте с умом. И будьте осторожны – они не остановятся ни перед чем. Друг."

Зоя вставила флешку в ноутбук, предварительно отключив его от интернета. На флешке был единственный файл – PDF-документ объемом более 200 страниц.

Это были истории болезни. Полные медицинские карты Громова, Соколова, Дорохова и Игнатьева. А также еще десятка пациентов, о которых она раньше не слышала.

Все они участвовали в клинических испытаниях препарата "Ренессанс-Х". И все они умерли при схожих обстоятельствах.

Зоя листала страницы, и с каждой новой ее лицо становилось все более напряженным. В документах содержались подробные описания состояния пациентов, результаты анализов, заключения консилиумов. И везде прослеживалась одна и та же картина: улучшение состояния в течение первых трех-четырех недель, затем резкое ухудшение и смерть от остановки сердца.

Но самым шокирующим было то, что в документах со-

держались прямые указания на то, что руководство клиники знало о смертельных рисках препарата. В одной из служебных записок, подписанной самим Бергером, говорилось: "Несмотря на неблагоприятный исход в случаях 1-4, считаю необходимым продолжить испытания. Потенциальные выгоды от успешного завершения проекта перевешивают текущие риски".

Зоя откинулась на спинку стула, чувствуя, как холодная ярость поднимается внутри. Они сознательно убивали людей. Использовали их как подопытных животных. И продолжали это делать, несмотря на очевидные доказательства смертельной опасности препарата.

Она достала телефон и набрала Макара.

– Нам нужно встретиться, – сказала она, как только он ответил. – У меня есть доказательства. Настоящие доказательства того, что происходит в "Асклепии".

– Я тоже кое-что нашел, – голос Макара звучал напряженно. – И у меня был интересный разговор с начальством. Очень интересный.

– Где встретимся?

– Не у тебя и не у меня, – быстро ответил он. – Думаю, за нами следят. Давай у Искры. Я позвоню ей.

– Через час, – согласилась Зоя. – И Макар будь осторожен.

Она отключила телефон и еще раз посмотрела на экран ноутбука. Документы не оставляли сомнений: в "Асклепии" проводились незаконные эксперименты, которые привели к

смерти как минимум четырех человек. И судя по всему, эксперименты продолжались.

Зоя сделала копию файлов на другую флешку, которую спрятала в тайник за книжной полкой. Затем удалила файлы с ноутбука, но сохранила оригинальную флешку – её она собиралась показать Макару и Искре.

Она не знала, кто прислал ей эти документы. "Друг" мог быть кем угодно – сотрудником клиники с остатками совести, родственником одной из жертв, даже кем-то из конкурентов "ФеноГена". Но сейчас это не имело значения. Важно было то, что у них наконец появились реальные доказательства.

Зоя собрала необходимые вещи, еще раз проверила, не следит ли кто-то за домом, и вышла. Ей предстоял непростой разговор с друзьями. И еще более непростое решение о том, что делать дальше.

Потому что теперь она точно знала: они имеют дело не просто с халатностью или врачебной ошибкой. Это было преднамеренное убийство. И люди, стоящие за ним, не остановятся ни перед чем, чтобы сохранить свою тайну.

Глава 6: Экспериментальный препарат

Квартира Искры превратилась в импровизированный штаб расследования. Стены гостиной были увешаны распечатками документов, фотографиями, схемами связей. На журнальном столике громоздились папки с материалами, а на полу стояли пустые коробки из-под пиццы – свидетель-

ство многочасовой работы.

Зоя сидела на диване, изучая медицинские карты с флешки. Макар расхаживал по комнате, периодически останавливаясь, чтобы сделать пометку на одной из схем. Искра работала за ноутбуком, проверяя информацию из документов, предоставленных Соколовым.

– Итак, что мы имеем? – Макар остановился посреди комнаты. – Четыре подтвержденных смерти: Громов, Соколов, Дорохов, Игнатьев. Все – высокопоставленные чиновники или бизнесмены. Все проходили лечение в "Асклепии". Все умерли от "сердечной недостаточности".

– И все участвовали в испытаниях "Ренессанса-Х", – добавила Зоя, не отрываясь от документов. – Но это не единственное, что их объединяет.

Она подняла глаза от бумаг.

– У всех четверых в анамнезе были ранние признаки нейродегенеративных заболеваний. У Громова и Соколова – начальная стадия Альцгеймера, у Дорохова – Паркинсон, у Игнатьева – рассеянный склероз.

– И они согласились на экспериментальное лечение, – Искра оторвалась от ноутбука. – Что неудивительно. Представьте: вы успешный человек в расцвете сил, и вдруг узнаете, что скоро начнете терять память, контроль над телом, личность. Конечно, вы ухватитесь за любой шанс.

Макар кивнул.

– Но что такое "Ренессанс-Х"? В документах нет подроб-

ного описания препарата.

– Я думаю, это кодовое название, – Зоя перелистнула страницу. – Смотрите, в лабораторных отчетах упоминается "Нейроген-7". Судя по всему, это экспериментальный препарат для лечения нейродегенеративных заболеваний.

– И он убивает пациентов? – Искра нахмурилась.

– Не совсем, – Зоя встала и подошла к схеме на стене. – Смотрите, здесь описаны фазы клинических испытаний. Фаза 1 – базовые тесты на безопасность, прошла успешно. Фаза 2 – расширенные испытания на эффективность. И вот тут начинаются проблемы.

Она указала на график.

– У всех пациентов после нескольких недель приема препарата наблюдалось значительное улучшение когнитивных функций. Память, концентрация, ясность мышления – все показатели росли. Но затем.

– Затем начинались побочные эффекты, – Макар подхватил мысль. – Проблемы с дыханием, аритмия, в итоге – остановка сердца.

– Именно, – кивнула Зоя. – Но самое интересное в другом. Смотрите на даты. Громов умер через 42 дня после начала приема препарата. Соколов – через 45. Дорохов – через 40. Игнатьев – через 43.

– Слишком близкие сроки для совпадения, – Макар потер подбородок. – Препарат убивает примерно через шесть недель после начала приема.

– И Бергер знал об этом, – Искра подняла документ с подписью директора "Асклепия". – Здесь отчет о результатах испытаний на животных. У 80% подопытных наблюдалась остановка сердца в период между 38 и 46 днями после начала эксперимента.

– Но он все равно начал испытания на людях, – Зоя покачала головой. – Зная, что препарат смертельно опасен.

– Вопрос – зачем? – Макар сел на край стола. – Какой смысл продвигать препарат, который убивает пациентов?

Искра подняла руку, как школьница.

– У меня есть теория, – она открыла на ноутбуке документ. – Смотрите, что я нашла в материалах Соколова. Это патентная заявка "ФеноГена" на "Нейроген-7". Они позиционируют его не как лекарство от Альцгеймера или Паркинсона, а как "препарат для улучшения когнитивных функций у здоровых людей".

– Ноотроп? – Зоя нахмурилась. – Но зачем рисковать жизнями пациентов ради еще одного ноотропа? Их и так полно на рынке.

– Не просто ноотроп, – Искра прокрутила документ. – Здесь описывается "беспрецедентное улучшение памяти, скорости обработки информации, аналитических способностей". Фактически, они создают препарат, который временно делает человека гением.

– Временно – ключевое слово, – заметил Макар. – Шесть недель сверхинтеллекта, а потом смерть. Не самая привле-

кательная перспектива.

– Если только они не планируют решить проблему с побочными эффектами, – Зоя задумчиво постучала пальцами по столу. – Представьте: препарат, который увеличивает интеллект в разы, без смертельных побочных эффектов. Это же золотая жила. Военные, спецслужбы, корпорации – все захотят его получить.

– И ради этого они готовы жертвовать людьми, – Макар покачал головой. – Используя больных Альцгеймером как подопытных кроликов.

– Но почему именно высокопоставленные чиновники и бизнесмены? – спросила Искра. – Почему не обычные пациенты?

– Потому что им нужны были влиятельные покровители, – Макар подошел к схеме на стене. – Смотрите, кто входит в совет директоров "ФеноГена": брат министра здравоохранения, бывший заместитель директора ФСБ, два сенатора. А в попечительском совете "Асклепия" – еще больше влиятельных фигур.

– Они создали защитный круг, – Зоя кивнула. – Если что-то пойдет не так, их прикроют сверху.

– Как и произошло с расследованием смерти Соколова, – добавил Макар. – Мне прямым текстом сказали не копать дальше.

– И убили медсестру, которая заговорила со мной, – Искра вздрогнула. – Они не остановятся ни перед чем.

Зоя вернулась к документам.

– Здесь есть еще кое-что интересное, – она показала страницу с графиком. – После смерти Громова они изменили формулу. "Нейроген-7А" вместо просто "Нейроген-7". И начали новую серию испытаний.

– На ком? – Макар подошел ближе.

– Здесь нет имен, только номера пациентов, – Зоя пролистала документ. – Но судя по датам, испытания идут прямо сейчас.

– То есть, в "Асклепии" сейчас находятся люди, которые принимают смертельно опасный препарат? – Искра побледнела.

– И у нас есть примерно две недели, чтобы их спасти, – Зоя закрыла папку. – Если схема та же, они начнут умирать через 40-45 дней после начала приема.

Макар задумчиво потер подбородок.

– Нам нужны неопровержимые доказательства. Что-то, что нельзя будет замаять или проигнорировать.

– Я могу опубликовать все, что у нас есть, – предложила Искра. – Устроить информационный взрыв.

– Рискованно, – покачал головой Макар. – Без твердых доказательств нас просто обвинят в клевете. А тебя, скорее всего, уберут, как медсестру.

– Нам нужен кто-то изнутри, – сказала Зоя. – Кто-то, кто работает в "ФеноГене" или "Асклепии" и готов говорить.

Искра вдруг выпрямилась.

– У меня есть такой человек! – она быстро начала печатать на ноутбуке. – Помните, я говорила, что получила анонимное письмо? Я отследила IP-адрес – он вел к серверам "ФеноГена".

– Ты смогла связаться с отправителем? – Зоя подалась вперед.

– Да, через защищенный канал, – Искра показала переписку. – Он называет себя "Химик". Говорит, что работал в лаборатории "ФеноГена" и участвовал в разработке "Нейрогена-7", но ушел, когда понял, что компания продолжает испытания, несмотря на смертельные побочные эффекты.

– Он готов говорить официально? – спросил Макар.

– Он согласился на встречу, – Искра проверила часы. – Сегодня в 22:00, в парке возле Политехнического музея.

– Это может быть ловушка, – предупредил Макар. – Змиевский мог выследить вашу переписку.

– Я буду осторожна, – Искра закрыла ноутбук. – И не пойду одна. Вы ведь пойдете со мной?

– Конечно, – Зоя положила руку ей на плечо. – Мы будем рядом.

Пять лет назад, Цюрих, Швейцария

Платон Бергер сидел у постели отца в частной клинике с видом на Цюрихское озеро. Когда-то блестящий нейрохирург, профессор Виктор Бергер теперь не узнавал собственного сына. Его взгляд блуждал по комнате, останавливаясь на случайных предметах, а пальцы беспрестанно теребили

край одеяла.

– Как он сегодня? – спросил Платон у медсестры, вошедшей в палату.

– Без изменений, доктор Бергер, – она проверила капельницу. – Вчера был момент просветления, он вспомнил вашу мать. Но сегодня снова... – она не закончила фразу.

Платон кивнул. Он знал, что такое Альцгеймер. Знал, что ждет его отца – медленное угасание личности, потеря всех воспоминаний, всего, что делало Виктора Бергера тем, кем он был.

– Я найду лекарство, папа, – тихо сказал Платон, сжимая безвольную руку отца. – Клянусь тебе. Я не позволю этой болезни победить.

В тот день, выйдя из клиники, он принял решение, которое изменило его жизнь. Он оставил престижную должность в университетской клинике и основал "ФеноГен" – компанию, посвященную разработке препаратов против нейродегенеративных заболеваний.

Пять лет исследований, миллионы долларов инвестиций, десятки неудачных формул. И наконец – прорыв. "Нейроген-7" показывал фантастические результаты в лабораторных условиях. Он не просто останавливал развитие Альцгеймера – он восстанавливал поврежденные нейронные связи, возвращал память, когнитивные функции.

Но потом начались проблемы. Крысы, получавшие препарат, демонстрировали невероятный рост интеллекта, решая

лабиринты в рекордные сроки. А затем умирали от остановки сердца.

Платон стоял перед выбором: остановить исследования или продолжить, рискуя человеческими жизнями. Его отец к тому времени уже не узнавал его, не говорил, едва мог самостоятельно есть.

– Мы должны продолжать, – сказал он своей команде. – Ради миллионов людей, страдающих от Альцгеймера, Паркинсона, деменции. Ради будущего человечества.

Он убедил себя, что цель оправдывает средства. Что несколько жизней – допустимая цена за спасение миллионов.

Но с каждой смертью, с каждым "неудачным случаем" что-то внутри него умирало. Частица человечности, которую он когда-то считал своей сутью. Платон Бергер, давший клятву Гиппократу, превращался в кого-то другого – человека, для которого цель оправдывала любые средства.

Когда умер его отец, Платон не плакал. Он стоял у могилы, глядя на гроб, и думал только об одном: теперь у него нет права на ошибку. Теперь "Нейроген" должен работать – любой ценой.

И когда Змиевский предложил свои услуги, Бергер не колебался. Бывший военный с опытом спецопераций был именно тем, кто ему требовался – человеком, способным решать "деликатные проблемы" без лишних вопросов.

– Доктор Бергер, – голос секретарши вырвал его из вос-

поминаний, – у вас встреча через пять минут.

Платон кивнул, возвращаясь в настоящее. Он посмотрел на фотографию отца на столе и тихо произнес:

– Я почти у цели, папа. Еще немного.

Парк возле Политехнического музея был почти пуст. Осенний вечер, промозглый ветер и морозящий дождь не располагали к прогулкам. Искра сидела на скамейке под старым каштаном, нервно поглядывая на часы. 22:15. "Химик" опаздывал.

Макар, изображавший случайного прохожего, медленно прогуливался по аллее в пятидесяти метрах от неё. Зоя расположилась в кафе напротив парка, откуда хорошо просматривалась скамейка.

– Что-то не так, – голос Макара прозвучал в наушнике Искры. – Он должен был прийти пятнадцать минут назад.

– Может, просто опаздывает, – Искра поежилась от холода. – Или осторожничает, проверяет, нет ли слежки.

– Возможно, – согласился Макар. – Но мне это не нравится. Слишком тихо.

Зоя, наблюдавшая из кафе, вдруг напряглась.

– У входа в парк черный внедорожник, – сказала она в микрофон. – Только что подъехал. Двое мужчин вышли и направляются к вам.

– Вижу, – отозвался Макар. – Искра, уходи. Сейчас же.

Искра встала, но было уже поздно. Двое мужчин в темных куртках быстро приближались к ней с разных сторон. Она

попыталась пойти в противоположном направлении, но там появился третий.

– Черт, – выругался Макар. – Нас обложили.

Он быстро пошел к Искре, доставая удостоверение. Зоя выбежала из кафе, пересекая улицу.

Один из мужчин уже был рядом с Искрой.

– Искра Денисовна? – спросил он с легким акцентом. – Нам нужно поговорить.

– Я не знаю, кто вы, – Искра старалась, чтобы голос звучал твердо. – Но я не собираюсь никуда с вами идти.

– Это не приглашение, – мужчина взял её за локоть. – Это необходимость.

– Отпустите её, – Макар подошел, показывая удостоверение. – Майор Штольц, Следственный комитет.

Мужчина даже не взглянул на удостоверение.

– Это не ваше дело, майор, – сказал он спокойно. – Уходите, пока можете.

– Боюсь, это как раз моё дело, – Макар положил руку на кобуру. – Отпустите женщину и предъявите документы.

Ситуация накалялась. Второй мужчина подошел ближе, держа руку в кармане куртки. Третий остался на расстоянии, наблюдая.

Внезапно со стороны улицы раздался визг тормозов. Черный внедорожник резко тронулся с места и быстро скрылся за поворотом. Мужчины переглянулись.

– Вам повезло, майор, – первый отпустил руку Искры. –

Но это временно.

Они быстро отступили и растворились в темноте парка.

– Что это было? – Искра дрожала, но не от холода.

– Не знаю, – Макар огляделся. – Но что-то их спугнуло.

Зоя подбежала к ним, тяжело дыша.

– Вы в порядке?

– Да, – Искра кивнула. – Но "Химик" не пришел.

– Или не смог прийти, – мрачно заметил Макар. – Возможно, его перехватили раньше.

– Нам нужно уходить отсюда, – Зоя оглянулась. – Немедленно.

Они быстро покинули парк, постоянно проверяя, нет ли слежки. Макар настоял, чтобы они разделились и добирались разными маршрутами.

– Встретимся завтра в морге, – сказала Зоя. – У меня дежурство с восьми утра.

– Я приеду к десяти, – кивнул Макар. – Искра, ты с нами?

– Конечно, – журналистка все еще была бледной, но держалась стойко. – Я не собираюсь отступать.

Они разошлись в разные стороны, каждый со своими мыслями и опасениями. Никто из них не заметил человека, который наблюдал за ними из темноты, а затем достал телефон и набрал номер.

– Они ушли, – сказал он. – Что делать с "Химиком"?

– Он больше не проблема, – ответил холодный голос Змиевского. – Сосредоточьтесь на основных целях. Особенно на

патологоанатоме. Она становится слишком опасной.

Утро в морге началось для Зои с неожиданного вызова к главному врачу. Она как раз готовилась к вскрытию, когда в секционную вошла секретарь Валентина Петровича.

– Доктор Вержибская, вас срочно вызывает главврач, – сказала она с нескрываемым удовольствием. Секретарша никогда не скрывала своей неприязни к Зое.

– Прямо сейчас? – Зоя указала на тело, уже подготовленное к вскрытию. – У меня процедура.

– Немедленно, – отрезала секретарша. – Он сказал, это не терпит отлагательств.

Зоя вздохнула, сняла перчатки и халат. Что могло быть настолько срочным? Неужели Валентин Петрович узнал о её неофициальном расследовании? Или о том, что она скрыла истинные результаты вскрытия Марины Ковалевой?

Кабинет главврача находился на третьем этаже административного корпуса. Зоя постучала и, услышав "войдите", открыла дверь.

Валентин Петрович сидел за столом, перед ним лежала толстая папка с документами. Рядом с ним стоял незнакомый мужчина в строгом костюме.

– А, Зоя Андреевна, проходите, – главврач выглядел необычно напряженным. – Познакомьтесь, это Игорь Васильевич Климов, представитель Департамента здравоохранения.

Зоя кивнула, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

– Присаживайтесь, доктор Вержбицкая, – Климов указал на стул. – У нас серьезный разговор.

Зоя села, сохраняя внешнее спокойствие.

– Доктор Вержбицкая, – начал Климов, открывая папку, – до нас дошла информация о том, что вы проводите несанкционированные исследования тел пациентов клиники "Асклепий".

Зоя почувствовала, как сердце пропустило удар, но не показала виду.

– Не понимаю, о чем вы, – спокойно ответила она. – Я провозжу вскрытия в соответствии с протоколами и должностными инструкциями.

– Вот как? – Климов достал из папки документ. – А как вы объясните это? Акт вскрытия Марины Ковалевой. Официальное заключение – самоубийство через повешение. Но у нас есть информация, что вы провели дополнительные исследования и взяли образцы тканей без соответствующего разрешения.

Зоя молчала. Откуда у них эта информация? Кто-то следил за ней в морге?

– Более того, – продолжил Климов, – вы распространяете ложную информацию о причинах смерти пациентов клиники "Асклепий", подрывая репутацию уважаемого медицинского учреждения.

– Я никогда не распространяла ложную информацию, – твердо сказала Зоя. – Все мои заключения основаны на фак-

тах.

– Факты говорят о другом, – Климов положил перед ней еще один документ. – Это приказ о вашем временном отстранении от должности на период служебного расследования.

Зоя взяла бумагу, быстро просмотрела её. Всё было официально: печати, подписи, ссылки на соответствующие пункты трудового законодательства.

– На каком основании? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Нарушение протоколов вскрытия, несанкционированный забор биологических материалов, распространение недостоверной информации, – перечислил Климов. – Этого достаточно для начала.

Валентин Петрович наконец заговорил:

– Зоя Андреевна, я всегда ценил вас как специалиста, но на то есть причины, – он развел руками. – Правила есть правила. Мы обязаны провести расследование.

– Я понимаю, – Зоя встала. – Могу я хотя бы закончить начатое вскрытие?

– Нет, – отрезал Климов. – Вы должны немедленно покинуть рабочее место и сдать пропуск. Ваш кабинет и лаборатория будут опечатаны до окончания расследования.

Зоя почувствовала, как внутри поднимается волна гнева, но сдержалась. Сейчас не время для эмоций. Нужно мыслить стратегически.

– Хорошо, – она положила приказ на стол. – Я подчиня-

юсь. Но хочу официально заявить, что не признаю обвинений и буду оспаривать это решение.

– Ваше право, – равнодушно ответил Климов. – Служба безопасности проводит вас до выхода.

У двери кабинета уже ждали двое охранников. Они молча сопровождали Зою до её кабинета, где она собрала личные вещи, затем до раздевалки, где она переоделась, и наконец до выхода из здания.

На улице Зоя остановилась, глубоко вдыхая холодный осенний воздух. Её отстранили. Лишили доступа к лаборатории, к документам, к телам. Именно сейчас, когда они были так близки к разгадке.

Это не случайность. Это прямой удар от Бергера и его людей. Они пытаются нейтрализовать её, отрезать от источников информации.

Зоя достала телефон и набрала Макара.

– Меня отстранили, – сказала она, как только он ответил. – Официально – за нарушение протоколов. На самом деле за этим стоит что-то другое.

– Я знаю, – голос Макара звучал напряженно. – Меня тоже. Утром вызвали к начальству и отправили в вынужденный отпуск "до выяснения обстоятельств".

– Они бьют по всем фронтам, – Зоя огляделась, проверяя, не следит ли кто-то за ней. – Что с Искрой?

– Пока не знаю, не могу до неё дозвониться, – в голосе Макара слышалась тревога. – Встретимся у меня через час.

Адрес помнишь?

– Да, – Зоя уже шла к метро. – Буду.

Она отключила телефон и ускорила шаг. Ситуация становилась все опаснее. Их противники действовали решительно и слаженно, отрезая их от источников информации и возможностей расследования.

Но если Бергер и его покровители думали, что это остановит их, они сильно ошибались. Теперь, когда Зоя знала правду о "Нейрогене-7", она не могла просто отступить. Слишком много жизней стояло на кону.

Она шла по улице, мысленно перебирая варианты действий. Без доступа к моргу и лаборатории её возможности были ограничены. Но у неё оставались копии документов, её знания и, что самое важное, её друзья.

Вместе они найдут способ остановить Бергера и раскрыть правду о смертоносных экспериментах "Асклепия". Даже если для этого придется действовать за рамками закона.

Глава 7: Точка невозврата

Квартира Макара находилась в старом доме на окраине города. Типичное холостяцкое жилище: минимум мебели, спортивные снаряды в углу гостиной, стены, увешанные фотографиями и картами.

Зоя пришла первой. Макар встретил её у двери, быстро оглядел коридор и закрыл за ней три замка.

– Паранойя? – спросила Зоя, снимая пальто.

– Здоровая предосторожность, – Макар провел её в гости-

ную. – После сегодняшнего утра я не доверяю никому, кроме вас с Искрой.

– Что именно произошло?

Макар налил им обоим кофе и сел напротив.

– Меня вызвал Громов. Сказал, что на меня поступила жалоба от руководства "Асклепия" – якобы я превышаю полномочия и веду несанкционированное расследование. Предложил взять отпуск "для нормализации ситуации".

– И ты согласился? – Зоя подняла бровь.

– А какие варианты? – Макар пожал плечами. – Если бы я отказался, меня бы отстранили официально, с внутренним расследованием. Так хотя бы сохраняю свободу действий.

– И удостоверение, – заметила Зоя.

– И оружие, – кивнул Макар. – Что с тобой произошло?

Зоя рассказала о своем отстранении, о Климове из Департамента здравоохранения, о том, как её буквально вывели из здания под конвоем.

– Они действуют по всем фронтам, – заключила она. – Отрезают нас от источников информации, лишают официальных полномочий.

– Значит, мы близки к цели, – Макар встал и подошел к стене, где были развешаны фотографии и заметки. – Они боятся, что мы раскроем правду о "Нейрогене-7".

Раздался звонок в дверь. Макар напрягся, жестом показал Зое оставаться на месте, и пошел открывать, держа руку на кобуре.

Через минуту он вернулся с Искрой. Журналистка выглядела измученной и потрясенной.

– Что случилось? – Зоя подскочила к ней.

– Мою квартиру обыскали, – Искра опустила на диван. – Я вернулась домой после встречи с редактором, а там... – она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. – Всё перевернуто, документы разбросаны, компьютер разбит. Они искали наши материалы.

– Нашли? – напряженно спросил Макар.

– Часть, – Искра достала из сумки флешку. – Но самое важное я всегда ношу с собой. И копии хранятся в облаке, защищенном шифрованием.

– Ты вызвала полицию? – спросила Зоя.

Искра горько усмехнулась.

– Зачем? Чтобы они "не нашли следов взлома" и списали всё на "бытовую кражу"? Нет, я просто собрала самое необходимое и ушла. Остановилась у подруги.

– Правильно, – кивнул Макар. – Возвращаться туда опасно. Они могут прийти снова.

– Или ждать тебя, – добавила Зоя.

Искра вдруг выпрямилась.

– "Химик"! – воскликнула она. – Я должна проверить, что с ним. Он не пришел на встречу, возможно, его перехватили.

– У тебя есть способ связаться с ним? – спросил Макар.

– Только зашифрованная почта, – Искра достала ноутбук. – Но я знаю, где он работает. Точнее, работал – в лабор-

ратории "ФеноГена". Его настоящее имя – Алексей Кравцов, ведущий биохимик.

Она быстро набрала запрос в поисковике и показала им фотографию: мужчина лет сорока, с умным лицом и внимательным взглядом.

– Я попробую узнать, что с ним, – Макар записал имя. – У меня остались связи в полиции.

– Будь осторожен, – предупредила Зоя. – Если они узнают, что ты интересуешься Кравцовым.

– Я знаю, – Макар кивнул. – Буду действовать через третьих лиц.

Они провели следующие несколько часов, систематизируя имеющуюся информацию и разрабатывая план действий. Без официальных полномочий и доступа к ресурсам им приходилось полагаться только на себя и немногочисленных союзников.

– Нам нужны неопровержимые доказательства, – сказал Макар, подводя итог обсуждению. – Что-то, что нельзя будет замять или проигнорировать.

– И нам нужно действовать быстро, – добавила Зоя. – Если испытания "Нейрогена-7А" продолжаются, скоро будут новые жертвы.

– Я могу опубликовать статью с имеющимися у нас материалами, – предложила Искра. – Не в "Независимом обозрении" – главред не пропустит такой материал без твердых доказательств. Но есть другие издания, менее щепетильные.

– Рискованно, – покачал головой Макар. – Без неопровержимых доказательств нас просто обвинят в клевете. А тебя, скорее всего, уберут, как Ковалеву.

– Тогда нам нужно добыть эти доказательства, – решительно сказала Зоя. – И я знаю, где их искать.

Следующим утром Зоя направлялась к неприметному зданию на окраине города. Это был один из филиалов "ФеноГена" – небольшая лаборатория, где, по информации Искры, работал Алексей Кравцов.

Она припарковалась в квартале от здания и некоторое время наблюдала. Обычная офисная постройка, ничего примечательного. Сотрудники входили и выходили, показывая пропуска охраннику на входе.

Зоя достала телефон и набрала номер.

– Я на месте, – сказала она, когда Макар ответил. – Что у тебя?

– Плохие новости, – голос Макара звучал мрачно. – Кравцов мертв. Нашли вчера утром в его квартире. Официальная причина смерти – сердечный приступ.

Зоя почувствовала, как холодок пробежал по спине.

– Еще одна "естественная смерть"?

– Похоже на то, – Макар помолчал. – Я видел предварительное заключение. Никаких следов насилия, никаких подозрительных веществ. Идеальное убийство, если это оно.

– Это оно, – уверенно сказала Зоя. – Слишком удобное совпадение – информатор умирает прямо перед встречей с

нами.

– Будь осторожна, – предупредил Макар. – Если они убрали Кравцова, они не остановятся ни перед чем.

– Я знаю, – Зоя наблюдала за входом в здание. – Но мне нужно попасть внутрь. Если Кравцов работал над "Нейрогеном-7", в лаборатории могут быть доказательства.

– Как ты собираешься это сделать? У тебя нет пропуска. Зоя улыбнулась.

– У меня есть план. Свяжусь позже.

Она отключила телефон и достала из сумки папку с документами. Затем поправила строгий костюм, который надела специально для этого случая, и направилась к зданию.

У входа она уверенно показала охраннику удостоверение патологоанатома и объяснила, что пришла забрать личные вещи доктора Кравцова для передачи родственникам.

– У меня нет информации о смерти сотрудника, – нахмурился охранник.

– Странно, – Зоя изобразила удивление. – Руководство должно было сообщить. Доктор Кравцов скончался вчера от сердечного приступа. Я проводила вскрытие, – она протянула ему официально выглядящий документ. – Вот заключение.

Охранник неуверенно посмотрел на бумагу, затем вызвал по рации начальника службы безопасности. Через несколько минут появился мужчина в строгом костюме.

– В чем дело? – спросил он, оглядывая Зою.

Она повторила свою историю, добавив, что действует по просьбе полиции и родственников покойного.

– Я первый раз слышу о смерти Кравцова, – начальник службы безопасности выглядел искренне удивленным. – Он не выходил на работу вчера и сегодня, но никто не сообщал о его смерти.

– Возможно, информация еще не дошла до вас, – Зоя пожала плечами. – В любом случае, мне нужно забрать его личные вещи. Это стандартная процедура.

Начальник службы безопасности колебался. Затем кивнул.

– Хорошо, я провожу вас в его лабораторию. Но имейте в виду, что все рабочие материалы являются собственностью компании.

– Разумеется, – Зоя улыбнулась. – Меня интересуют только личные вещи.

Они поднялись на третий этаж, где располагались лаборатории. Кабинет Кравцова был небольшим, но хорошо оборудованным. Рабочий стол, компьютер, шкаф с книгами и личными вещами.

– Я подожду снаружи, – сказал начальник службы безопасности. – У вас десять минут.

Как только дверь закрылась, Зоя быстро осмотрелась. Она не знала, что именно ищет, но надеялась найти хоть какую-то информацию о "Нейрогене-7".

Компьютер был заблокирован паролем, до него она даже

не пыталась добраться. Вместо этого она начала просматривать бумаги на столе и в ящиках.

В нижнем ящике стола она обнаружила запечатанный конверт с надписью "Искра". Сердце Зои забилось быстрее. Это явно было предназначено для их журналистки.

Она быстро спрятала конверт в сумку и продолжила поиски. В шкафу, за стопкой научных журналов, она нашла флешку, прикрепленную скотчем к задней стенке. Ещё одна находка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.